

НОВАЯ ФАНТАСТИКА · ВОЗВЫШЕНИЕ

ИВАН ОЧЕНКОВ АНТОН ПЕРУНОВ

КАПИТАН
ВОЗДУШНЫЕ ФРЕГАТЫ

#Попаданец #Боярь-Аниме #Дизельпанк
#Летающие корабли #Магия и приключения

Иван Валерьевич Оченков
Антон Юрьевич Перунов
Воздушные фрегаты. Капитан
Серия «Воздушные фрегаты», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69985438

*Воздушные фрегаты. Капитан: Издательство АСТ; Издательский дом
«Ленинград»; М.; 2024
ISBN 978-5-17-156902-0*

Аннотация

Капитан «Ночной Птицы», мастер клинка и удачливый приватир Март Колычев, летит на запад – в столицу Российской империи, блистательный Санкт-Петербург. Дворцовые интриги, Сенат, борьба кланов и иностранных спецслужб. Новое поле боя, где за вежливой улыбкой участников скрывается злой оскал. Разгадка давней кровавой тайны все ближе, а вместе с ней и расплата. Берегитесь! Он рядом!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

116

Иван Валерьевич Оченков, Антон Юрьевич Перунов Воздушные фрегаты. Капитан

© Иван Оченков, 2024

© Антон Перунов, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Что бы там ни говорили поэты, осень – мрачное время года. Сырость проникает всюду, холодный ветер так и норовит забраться под одежду. И хотя солнце еще светит, его лучи не могут согреть озябших путников. Особенно когда их знобит вовсе не от низкой температуры. Как, например, красивую молодую женщину, вышедшую через черный ход из отеля «Империял» в сопровождении высокого молодого человека с решительным выражением на хмуром лице.

– Куда ты меня ведешь, Марти? – спросила она, попытавшись придать своему голосу немного уверенности, но не нашла в себе достаточно твердости, и вопрос прозвучал жалко.

– Скоро увидишь, – односложно отвечал он, подводя свою

узницу к неказистому пикапу с нарисованным на дверях логотипом пекарни.

После начала боевых действий военный комендант Сеула генерал Пак Тхэ Ён распорядился конфисковать для армии все частные автомобили. Приказ был тотчас выполнен, но, как водится в Юго-Восточной Азии, с некоторыми нюансами. Роскошные лимузины, принадлежащие чиновникам и богатым коммерсантам, остались в гаражах владельцев, а вот так называемому «среднему классу» пришлось пересаживаться на рикш.

Правда, после конфискации скоро выяснилось, что большую часть экспроприированного нельзя использовать на фронте. Не придумав ничего лучше, машины отправили на склады, где они хранились под открытым небом, постепенно лишаясь самых дефицитных запчастей и приходя в негодность. Впрочем, предприимчивая охрана скоро начала использовать оказавшееся бесхозным имущество для своих целей. В том числе сдавая в аренду всем, кто мог заплатить. Колычев такую возможность как раз имел.

– Садись, – велел он своей пленнице.

Той ничего не оставалось делать, как выполнить его приказ и послушно устроиться на продавленном сиденье, молясь про себя, чтобы не порвать или не испачкать юбку.

«Боже, какой вздор лезет в голову! – удивилась она сама себе. – Он ведь меня просто убьет, не посмотрев на то, что было между нами...»

Надо сказать, что у известной журналистки Би-Би-Си мисс Аннабель Ли были все основания так думать. Именно она заманила молодого пилота Мартемьяна Колычева в ловушку, едва не стоившую ему жизни. И теперь пришло время платить по счетам. Хотя, если подумать хорошенько, в чем она виновата? Только выполняла приказ...

Большую часть дороги она лихорадочно пыталась придумать способ спасения, однако, как назло, ничего не приходило в голову. К тому же еще недавно казавшийся таким милым и ласковым малыш Марти ни на секунду не ослаблял давление. Пилот, помимо всего прочего, был одаренным и без труда контролировал свою пленницу. И когда на дороге встречался блокпост или хотя бы патруль, у нее просто перехватывало горло, а в теле появлялась такая слабость, что Аннабель не могла пошевелиться.

Через некоторое время их автомобильчик добрался до речного порта. После объявления блокады здесь царило запустение. Рыбаки больше не появлялись, рабочие разбрелись в поисках заработка, а охрана сюда почти не заглядывала.

«Это конец, – подумала про себя девушка и едва не заплакала от досады. – Боже, какая же я была дура! Думала, что нужна ему, что могу быть для него полезна, а он сейчас просто перережет мне горло и утопит в грязных и холодных водах залива, чтобы никто и никогда меня не нашел. Хорошенький конец карьеры!»

– Пошли! – велел ей Март.

Измученная ожиданием девушка хотела отказаться, но ее снова как будто подтолкнула невидимая рука, и ей ничего не оставалось делать, как покорно плестись за своим палачом. Далеко идти, впрочем, не пришлось. Открыв замок на двери выглядевшего совершенно заброшенным ангара, Колычев отворил створку и посторонился, пропуская ее.

Стоило мисс Ли переступить порог, как загорелся свет и перед глазами изумленной журналистки оказалась странная конструкция, более всего напоминавшая подводную лодку, по какой-то непонятной причине оказавшуюся на суше.

– Что это? – не смогла сдержать любопытство Аннабель.

– Мой корабль, – коротко ответил пилот.

– У тебя есть корабль?

– Теперь есть, – хмыкнул он и послал ментальный сигнал:

«Ночная Птица, опустить трап!»

– Принято, капитан! – возникла в голове фраза-образ, после чего наверху со скрежетом отворился люк, и к ногам пилота упала веревочная лестница.

– Ты сможешь подняться? – вопросительно посмотрел он на свою пленницу.

– Будь уверен, Марти, – отозвалась она, облизав пересохшие от волнения губы, – я непременно заберусь туда, даже если это будет последнее, что я сделаю в жизни!

Скинув с ног узкие туфли на каблуках, она уверенно ступила на перекладину маленькой ступней в модном фильме-

персовом чулке и принялась карабкаться наверх. Вид, открывшийся Колычеву снизу, оказался настолько увлекательным, что он едва не забыл, зачем притащил сюда эту женщину. Что было тому виной: всплеск гормонов в юном теле или еще не остывшие чувства, но справиться с ними оказалось не так просто.

– Что это, Марти? – с детской непосредственностью спросила Аннабель, оказавшись внутри.

– Подводная лодка, – неожиданно зло ответил он. – Именно на ней в Дальний проникли японские диверсанты, напавшие на нас во время Осеннего бала! Ты ведь знаешь, что там произошло? Знаешь, сколько погибло совсем молодых ребят и девчонок?!

– Я не имею к этому никакого отношения! – поникла журналистка.

– Да неужели?!

– Ты можешь мне не верить, но...

– Что но?

– Это правда! – почти выкрикнула она ему в лицо и зажмурилась в ожидании ментального удара, но его отчего-то не последовало.

Еще немного подождав, она робко приоткрыла один глаз и встретила с взглядом Марта. Он был требовательным, жестким, пожалуй, даже опасным, но в нем не было немедленного приговора. Кажется, он все же не хотел ее убивать. По крайней мере немедленно.

– Это правда, – повторила она, постаравшись, чтобы это выглядело как можно более искренним.

– А кто при чем?

– Я точно не знаю, – осторожно начала она, – но уверена, что тут не обошлось без Оссолинского и его семьи.

– Кто это?

– Марти, здесь ужасно холодно, – поежилась Аннабель. – Нельзя ли мне стакан горячего чая или кофе?

– Что?

– Я все расскажу, только дай мне согреться, а то мысли путаются в голове!

– Прости, кофе-машину я еще не завел, – немного смутился он, заметив, что девушку и впрямь бьет дрожь. – Могу предложить немного саке. Осталось от прежнего владельца.

– Подойдет, – выбивая зубами дробь, кивнула журналистка.

Через минуту Колычев вернулся с бутылкой и пледом, нашедшимся в рундуке японского командира. Набулькав на два пальца в алюминиевую кружку, он протянул ее завернувшейся в одеяло Аннабель. Та, недолго думая, схватилась за нее и в два глотка опустошила посуду.

– Редкостная дрянь! – заявила она, немного отдышавшись.

– Да уж, не «Мартель».

– Ничего, я пила и похуже. Главное, голова пришла в норму. Теперь можешь спрашивать. Если знаю, отвечу...

– Расскажи для начала, на кого ты работаешь?

– Ну, Марти... – протянула журналистка, поплотнее запахнув плед. – Думаю, я не открою тебе Атлантиду, если скажу просто – «Интеллидженс Сервис».

– Да, ты права, я не удивлен. Но какова цель твоего нахождения в Сеуле?

– Я спецгент для особых миссий. Задач было много. Главная – держать связь с нашим источником в штабе флота. Ну и выполнять разные миссии по заданию центра.

– Мое убийство было из их числа?

– Да, – шмыгнув носом, честно призналась мисс Ли.

– Интересно, кому же я так насолил?

– Поверь мне, таких людей довольно много!

– В смысле?

– Ну смотри, – икнула журналистка и, вытащив из-под одеяла руку, принялась загибать пальцы. – Японцы, раз. Маньчжуры из клана Айсингьоро, два! Потом...

– Лучше начни счет с тех, – холодно прервал ее Март, – кто не поскупился нанять профессиональных убийц для скромного паренька из приюта...

– Это не такой простой вопрос, Марти.

– Отчего же?

– Понимаешь, в чем дело. Обычно агентов не посвящают в излишние детали. Им отдают приказ, и они понятия не имеют о причинах, побудивших руководство принять подобное решение.

– Но ты ведь у нас необычная девушка, не так ли? Итак, – криво ухмыльнувшись, продолжил он, – известно ли тебе имя человека, желающего мне смерти?

– Ну, – попыталась придать своему лицу загадочное выражение Аннабель, – скажем так, я догадываюсь!

– Назовешь его мне?

– В противном случае ты будешь меня пытаться? – глупо хихикнула пленница.

– Ну, зачем же такие крайности? – остался бесстрастным молодой человек. – Как тебе, вероятно, известно, я – одаренный. И мне не составит труда ввести тебя в транс и вытянуть всю необходимую информацию.

– О, это ужасно, – помрачнела журналистка. – И верно, я до некоторой степени осведомлена о твоих возможностях. Но мне также известно о побочных эффектах, довольно часто случающихся в подобных ситуациях.

– Что ты имеешь в виду?

– Что я сойду с ума, и ты не успеешь выпотрошить мой мозг! – последние слова она звонко выпалила своему тюремщику в лицо, с вызовом посмотрев ему прямо в глаза.

– Ты так спокойно об этом говоришь?

– А что мне остается, Марти? – еще раз икнула мисс Ли. – Хотя, возможно, все дело в этой рисовой водке. Беру свои слова назад. В данной ситуации она совсем неплоха! У тебя не найдется еще капелька?

– Пока достаточно, – покачал головой внимательно на-

блюдавший за ней Колычев. – Тебя и так уже развезло, а ты мне еще ничего не сказала...

– А ты куда-то торопишься? – пьяно хихикнула пленница. – По-моему, тут неплохое местечко, где можно славно провести время...

– Не придуривайся, Белла. Я прекрасно вижу, что ты далеко не так пьяна, как пытаешься показать. Давай договоримся, я не буду применять к тебе силу или влезать в твою голову, а ты в ответ прямо и честно расскажешь, кто мой враг.

– Какой ты все-таки зануда, Марти! – печально вздохнула пленница. – Во всякой женщине должна быть какая-нибудь тайна, а ты бесцеремонно вторгаешься в мой внутренний мир и копошишься там грязными руками.

– По крайней мере, я до сих пор не пытался тебя убить.

– Это ты так думаешь. Если мое руководство узнает, что я проболталась, за мою жизнь никто не даст и медного пенни. А кто конкретно спустит курок, не так уж и важно...

– К чему ты клонишь?

– Все просто, мой дорогой. Мне нужны гарантии.

– Какие еще гарантии?

– Что ты меня не убьешь и не выдашь вашей контр разведке!

– Мисс, вы принимаете расписки? – впервые за все время улыбнулся Март.

– Достаточно будет и твоего слова.

– Хорошо. Я обещаю, что, если ты ничего от меня не ута-

ишь, я не стану убивать тебя или отправлять к жандармам. Ты удовлетворена?

– Скажем так, до пика наслаждений я не добралась, – не смогла удержаться от шпильки Аннабель, но видя, что острота не достигла цели, поджала губы. – Тогда совершенно точно заказчиком был Оссолинский.

– Тот же, кто устроил побоище в Дальнем?

– Верно.

– Где его найти?

– В штабе Сеульской эскадры. Кстати, это он звонил, когда ты так эффектно появился.

– Так он и есть та крыса, которая сливает информацию японцам!

– Бинго, мистер одаренный!

– Черт, я, кажется, где-то слышал эту фамилию...

– Еще бы. Он начальник мобилизационного отдела штаба...

– Проклятье, на такой важной должности у нас шпион! Да как такое вообще возможно?

– Прости, милый, но я не всеведуща. Могу сказать лишь, что он из очень влиятельной и богатой семьи с большими связями.

Все время, пока Аннабель «давала показания», Март продолжал отслеживать через «сферу» ее физическое и эмоциональное состояние, после чего пришел к выводу, что она говорит правду, хотя, возможно, не всю.

– А какие у тебя отношения с этим самым Оссолинским? – наугад спросил он и по нервной реакции девушки понял, что не ошибся.

– Никаких! – резко ответила она, снова закутавшись в плед.

– Не лги мне, Белла!

– Будь ты проклят вместе со своим даром, Колычев! – вспыхнула журналистка. – Да, мы были любовниками. Недолго.

– А потом?

– А потом он стал подкладывать меня под важных начальников! – зло выпалила мисс Ли. – Думаешь, я по своей воле связалась с таким ничтожеством, как Ландсберг? Ненавижу! Мое руководство очень им дорожит, поэтому он, не стесняясь, присваивал мои заслуги, а если случались неудачи, давал понять, что оплошала именно я.

– Неприятный тип! – согласился Март.

– Ты его убьешь? – с явной надеждой в голосе поинтересовалась девушка.

– Непременно.

– Ничего другого этот ублюдок и не заслуживает!

– Это точно... скажи, Белла, а что ты знаешь о его семье?

– Не так уж много на самом деле, – вздохнула журналистка. – Это старинный польский род, уже больше ста лет служащий вашим царям. Его отец некогда служил в лейб-гвардии, принадлежал к свите, но теперь в отставке. Впрочем, глав-

ный в семье не он, а его мать – старая графиня Оссолинская.

– Что-нибудь еще?

– Сложно сказать. У них какие-то связи по всему миру, в том числе и в Англии. И при том на самом верху. Графиня и ее семья были представлены королю и вроде бы даже получили какой-то титул, но это не афишируется.

– Ладно. Разберусь с этим позже.

– Удачи!

– Еще один вопрос.

– Валяй, Марти. Я и так успела наболтать на виселицу. Так что хуже уже все равно не будет.

– Почему именно ты хотела меня убить?

– Что за бред?!

– Разве?

– Конечно же нет! Суть операции была в том, чтобы подставить тебя перед своими и тем самым привлечь к сотрудничеству. Ты – хороший пилот, а такие везде нужны! Ни о каком убийстве не шло и речи. По крайней мере, с моей стороны. За Оссолинского не поручусь. Глядя на него, можно подумать, что у него какие-то личные счеты с тобой, но я тут ни при чем!

– Я о самом первом покушении, Белла! Ты ведь как-то была связана с этими двумя громилами, верно? Не отпирайся, я все вижу.

– Черт с тобой, – устало вздохнула девушка. – Хотя ты и ошибаешься. Мне нужна была не твоя смерть, а...

– Что?

– Энколпион. Боже, какое варварское слово. Язык сломалась...

– Но зачем?

– Ах, Марти-Марти. Боюсь, тебе этого не понять. Нет-нет, дело не в его стоимости, хотя это целое состояние! Видишь ли, заключенные в нем «стеллары» или, как вы их называете, «звездные адаманты», дают больше, чем богатство или власть. Через них можно стать частью высшей расы – стать таким, как ты. И тогда передо мной открылись бы все двери...

– Ты хочешь обрести дар?

– А чем я хуже тебя? – вскочила девушка.

Глаза ее блеснули не хуже звезд в ночном небе, ноздри бесшумно раздувались, а роскошная копна рыжих волос напоминала пламя.

– Далеко не все могут овладеть силой, даже имея адамант, – покачал головой Март.

– Пока не попробуешь, не узнаешь! – парировала она.

– И ради этой призрачной надежды ты хотела убить меня?

– Я тогда тебя совсем не знала.

– Но киллеров наняла и отправила выполнять задание?

– Господи, да ради этого я бы весь ваш проклятый приют лично передушила! – зло ощерилась окончательно сбросившая маску Аннабель.

– А ведь ты мне по-настоящему нравилась, Белла, – почти

с отвращением посмотрел на нее Колычев.

– А теперь? – с вызовом посмотрела она на него.

– Теперь мне тебя жаль.

– С такой высоты, как у тебя, легко жалеть других!

– Знаешь что, – вдруг решился Март, – а давай попробуем?

– О чем ты? – отшатнулась девушка, увидев леденящее сияние его ярко-синих глаз.

– Инициировать тебя, – криво усмехнулся пилот и послал ментальный приказ – «застыть».

Никак не ожидавшая подобного подвоха журналистка превратилась в соляной столб, а Март тем временем снял с шеи свой крест и поднес его ко лбу пленницы. Надавив через «сферу», он послал в Аннабель мощный импульс, от которого ее тело выгнулось, будто от многовольтного разряда электрического тока. Потом еще раз, и лишь после третьего удара разрешил ей ослабить мышцы, после чего та кулем осела к его ногам.

– Боже, что это было, – еле шевеля губами, прошептала она.

– Ничего, Белла, – холодно ответил Колычев. – Тебе никогда не стать одаренной.

– Не может быть!

– Все было зря, – развел он руками. – Все убийства, подлости, вранье – все зря!

– Нет! – разрыдалась девушка. – Это не может быть прав-

дой!

– А теперь убирайся с моего корабля. Там у ворот стоит машина, на которой мы приехали, можешь ее взять.

– Будь ты проклят! – размазывая слезы по щекам, просто-напала она.

– Ты сама себя прокляла, Белла. Я тут ни при чем. Но на будущее запомни: все, что ты мне говорила, записано, и, если я тебя еще раз увижу, копии этой записи попадут к твоим боссам. Это понятно?

Ответом ему был почти звериный рык.

Примерно через полчаса мисс Ли все же сумела выбраться наружу и после нескольких неудачных попыток все-таки смогла обуться в свои туфли. Кое-как ей удалось добраться до пикапа и завести мотор. Сил плакать и жалеть себя больше не было. Включив передачу, она тихонько тронулась и покатила по дороге к Итевону. На самой границе района ей преградил путь шлагбаум.

– Предъявите документы на машину, мисс! – сказал чосонский патрульный.

Аннабель не знала корейского языка, однако догадаться о смысле вопроса было нетрудно. Но в этот момент она поняла, что у нее нет документов, она сидит в чужой машине, да к тому же от нее изрядно несет спиртным...

– Damn you, Kolychev¹, – повторила она еле слышно.

¹ Будь ты проклят, Колычев (англ.).

В штабе Сеульской эскадры всегда многолюдно. В бесчисленных кабинетах кипит невидимая постороннему глазу работа, по коридорам туда-сюда снуют курьеры и писари в матросской форме. Машинисты стучат по клавишам штатных «ундервудов»², а телефонисты что-то кричат в трубки, стараясь переорать окружающих и друг друга. Время от времени операторы получают вызов, после чего втыкают штекер в гнездо и некоторое время прислушиваются к разговору, чтобы убедиться в качестве соединения. Поэтому совершить приватный разговор, даже если аппарат установлен у тебя в кабинете, не так просто.

Но сегодня капитану второго ранга Оссолинскому пришлось рискнуть. Приказав соединить себя с городом, он набрал номер «Империяла», потом добавочный и, услышав в динамике знакомый голос мисс Ли, сообщил ей о провале. Внезапно прервавшаяся связь насторожила опытного агента, особенно когда на повторный звонок, сделанный через несколько минут, никто не ответил. Если до Аннабель добрались жандармы, значит, дело плохо. Им не составит труда выяснить, откуда шел последний вызов в ее номер, а там – дело техники. Однако это потребует времени и, пожалуй, полчаса, а то и больше, у него есть.

«А может, я зря паникую?» – мелькнуло в голове шпиона и тут же исчезло. Своей интуиции он привык доверять, а сейчас она просто кричала об опасности. Быстро собрав-

² «Underwood» – популярная марка печатных машинок.

шись, он на секунду застыл, раздумывая, не взять ли с собой портфель, но потом решил, что не стоит. Это привлечет излишнее внимание.

– Вы куда-то уходите, Андрей Вацлавович? – осведомился один из его столоначальников, лейтенант Лапин.

Говоря по совести, Оссолинский не любил, когда его так называли. Он предпочел бы услышать: «пан Анджей», а еще лучше «сэр Эндрю», но...

– Проголодался я что-то, Миша, – благожелательно улыбаясь, сообщил он подчиненному. – Пойду, перекушу.

– Приятного аппетита, ваше сиятельство, – отозвался Лапин, после чего добавил с мечтательной улыбкой на лице: – Если не возражаете, я немного позже тоже схожу. Говорят, в офицерском буфете появилась недурная осетрина...

– Если хочешь погубить свой желудок, возражать не стану, но я в это заведение ни ногой.

Несмотря на то, что пищеварительная система графа могла запросто переварить целлюлозу с ржавыми гвоздями, он тщательно придерживался легенды о застарелом гастрите, что оправдывало его отсутствие на офицерских пирушках и отлучки со службы.

Покинув штаб, он добрался на своем авто до «Империа-ла», но входить не стал, а позвонил в номер одного из подручных красавицы-репортерши – Стивену Макги, или, как она его насмешливо и несколько уничижительно называла, Стиви-бой.

Его комната находилась в этом же отеле, но несколькими этажами ниже и была куда более скромной, особенно в сравнении с роскошью люксовых апартаментов Аннабель. На звонок долго никто не отвечал, наконец в трубке раздался сильный спросонья, недовольный голос фотографа.

– Алло.

– Стивен, это Оз. Не знаешь, где наша златовласка?

– Нет, сэр, – сразу же подобрался тот. – А что-то случилось?

– Не могу ей дозвониться.

– Наверное, выключила телефон и теперь дрыхнет без задних ног. Или нашла себе очередного хахалю и кувыркается...

В речи помощника журналистки, так и не получившего доступ к ее телу, явно прозвучала обида.

– Стивен, будь добр, поднимись в ее номер и узнай.

– Shit, – не смог сдержать раздражения фотограф, – это так срочно?

– Да, черт бы тебя побрал!

– О'кей, – неохотно отозвался Макги.

Перезвонив через пять минут, Оссолинский снова услышал голос англичанина.

– Ее нет в номере, – доложил он.

– А вещи?

– На месте.

– Следы обыска?

– Насколько я могу судить, нет.

– Понятно. Давай подождем, пока она вернется. Мне не звоните, я сам с вами свяжусь.

– Что все это значит, босс? Вы думаете, что ее взяли местные жандармы?

– Нет, Стиви-бой, – тонко улыбнулся капитан второго ранга, перед тем как повесить трубку, – тогда бы ты уже был в контрразведке!

«Мальчишка, – сообразил он, наконец, – этот крысеныш не просто всех переиграл. Он еще и захватил Энни и, если хотя бы половина, что она узнала о нем, правда, без труда выпотрошит эту тупую шлюху! И тогда...»

Потомок древнего магнатского рода граф Анджей Ежи Вацлав Оссолинский всегда знал, что этот момент наступит, и ему придется уйти. Если успеет, конечно... Русские контрразведчики недаром получали жалованье, и возможность провала была вовсе не иллюзорной, но пока ему везло. Однако теперь столь блистательной карьере пришел конец, и кто тому виной? Грязный ублюдок, по сравнению с которым любой кокни с лондонского дна кажется аристократом.

Ладно, теперь не время для рефлексии. Эту партию он проиграл, а, чтобы начать новую, надо спастись. А там еще посмотрим, кто кого! А сейчас он опередит врагов и сможет уйти, как рыба, на глубину, выскользнув из расставленных сетей. Оставалось только придумать, как это сделать. Раньше он предполагал, что отправится на прогулку в окрестности столицы и там его якобы захватят японские диверсанты...

Увы, после гибели Ландсберга и прибытия Макарова многое переменялось. Сеул просто наводнен агентами контрразведки и патрулями, а те нервно реагируют на любой шорох...

Пришлось сделать еще один звонок.

– Лиманский у аппарата, – отозвались на другом конце провода.

– Это я, – тихо шепнул он в динамик. – Мне нужна помощь...

В прошлой своей жизни Март любил одиночество. Именно в такие моменты, когда ему никто не мешал, в голову приходили самые светлые идеи. Но теперь, оставшись наедине с мощной и таинственной «Ночной Птицей», он вдруг почувствовал, что один может и не справиться. Оссолинский, кем бы он ни был, слишком заметная фигура, чтобы так просто заявиться к нему и потребовать сатисфакции. Сдать контрразведке – тоже не вариант. Нужны доказательства, а их нет. Можно, конечно, просто убить, но для этого тоже требуется хоть немного информации. Где живет, что любит, как проводит время? И лучше будет, если это выяснит кто-нибудь другой...

– Семен Наумович, – обратился он к Беньямину, как только вернулся в «Одессу». – Вы ведь знаете всех штабных Сельской эскадры?

– Конечно. А кто тебя интересует?

– Даже не знаю. Просто патент и корабль у меня есть, а серьезного вооружения и команды на нем нет. А вдруг высокому начальству взбредет в голову блажь дать мне какое-нибудь задание?

– Сообразил наконец, – хмыкнул управляющий. – В общем, да. Такая вероятность существует.

– И что теперь делать?

– Тебе нужен Оссолинский.

– Кто?

– Капитан второго ранга Андрей Вацлавович Оссолинский. Кстати, лучше звать его на польский лад Анджеем. Ему понравится.

– А что он за человек?

– Даже не знаю, что сказать, – задумался Беньямин. – Из польских аристократов, но вроде не особо кичливый. На офицерские пирушки не ходит, в скандалах с дамами не замечен. Взятки и те почти не берет.

– Почти?

– Ну, как тебе сказать. Есть у нас полуофициальный фонд, куда скидываются все приватеры, а деньги потом идут на подарки нужным людям. Это не особо законно, но и не возбраняется. Так вот от подарков он не отказывается, но и подношений, как некоторые, не вымогает! А ведь от него реально много зависит...

– И чем же он берет, борзыми щенками?

– Ха... такого не припомню, а вот о некоторых услугах

иногда просит, но не всех, не всех...

– Если человек не курит, не пьет и чурается общества хорошеньких женщин, поневоле задумаешься, не подлец ли он?.. – задумчиво процитировал классика Колычев.

– Очень может быть, – пожал плечами Бенчик. – Тебе что-нибудь еще?

– Нет, спасибо. Хотя, как он выглядит, чтобы не ошибиться при встрече?

– Пойдем ко мне в кабинет, покажу тебе одну папочку...

«Папочка» оказалась довольно толстой и хранилась в сейфе. И судя по содержимому, подобная предосторожность была совсем не лишней, поскольку в ней содержались досье на большинство сколько-нибудь заметных офицеров Третьего флота, не говоря уж о штабных.

Увы, раздел, посвященный Оссолинскому, оказался куда меньше прочих. Только самые общие сведения и старая фотокарточка, с которой на него смотрел ничем особо не примечательный молодой офицер.

– Кто же ты такой? – задумчиво пробормотал Март, стараясь запомнить лицо своего врага.

– Ты что-то сказал? – переспросил Семен Наумович.

– Я спрашиваю, он одаренный?

– Да. Только талантик у него – ни богу свечка, ни черту кочерга. Не пилот, не целитель, не артефактор, а так, не пойми кто... Ладно, его досье можешь пока оставить себе, а я пойду. Дел много.

– Нет, спасибо, все, что хотел, я узнал. Кстати, а что за суета?

– Сам не пойму, – раздраженно пожал плечами управляющий. – Все как с ума посходили. Сначала Лиманский потребовал срочный вылет, а потом и остальные как с цепи сорвались...

– Понятно. Можно воспользоваться телефоном?

– Валяй!

– Дежурный Макарова, – раздалось в трубке.

– Могу я связаться с начальником мобилизационного отдела?

– Извольте представиться.

– Командир «Ночной Птицы» Колычев.

– Капитан второго ранга Оссолинский отсутствует. Могу соединить вас с его столоначальниками.

– Нет, благодарю, дело слишком деликатное. А нельзя ли узнать его адрес?

– Можно, – издевательски хмыкнул голос в трубке. – Обратитесь в контрразведку, там непременно помогут-с...

Не успел Мартемьян выйти из кабинета Беньямина, как на него свалился настоящий ураган по фамилии Ким.

– Где ты был? – завопил Витька. – Тут такое, такое... а тебя нет!

– Тише, – попытался сделать вялую попытку отбиться Колычев, но не тут-то было.

– Ты что, ничего не знаешь?

– Ну что еще случилось?

– Зимин вернулся на службу!

– Знаю. Ему засчитали ценз командования «Бураном», и теперь он капитан первого ранга!

– А то, что «Буран» уже скоро будет выкуплен в казну?

– Вот этого еще не слышал, – вынужден был признать Март. – Хотя, если подумать, кораблей на флоте сейчас куда меньше, чем каперангов, а Владимир Васильевич не из тех, кому нравится служба на земле.

– И мы теперь должны решить: поступить на службу или уйти с корабля, – немного сбавив тон, продолжил Виктор.

– Тоже логично. Ну и что ты решил?

– Ну как я могу что-то решать, не посоветовавшись с тобой?! – изумился приятель.

– Ну а что со мной советоваться. Макаров предлагал мне чин, но...

– И ты отказался?

– Да.

– И что теперь?

– Ничего. Корабль есть, патент тоже. Буду набирать себе экипаж.

– Я с тобой!

– Хм, – задумался Колычев. – А в каком качестве?

Команда ему была нужна, тут не поспоришь. Как бы ни был силен искусственный интеллект, степень автоматизации все еще хромала. И многие работы хочешь не хочешь надо

делать руками. Но «Ночная Птица» не корвет, много людей на ней не поместится, так что нужны спецы на все руки, и справится ли Ким – большой вопрос...

– Я вообще-то оружейный техник и наводчик универсального стотридцатимиллиметрового орудия! – немного обиженно буркнул друг. – И даже экзамены сдал на третий класс.

– На лодке практически нет вооружения.

– Значит, надо поставить!

– Светлая мысль. Хотя ты прав. Без вооружения никак не обойтись. К тому же ты «одаренный», а на нашем корабле это важно. В общем, техник Ким, вы приняты!

– Ура! – едва не запрыгал от счастья Витька.

– Ты случайно не слышал, может, кто еще из наших с «Бурана» не хочет заключать контракт с Третьим флотом? Допустим, не горит желанием по новой казенную лямку тянуть...

– Не знаю таких, – пожал плечами кореец. – За Зиминым они в огонь и в воду пойдут... разве что дядька Игнат какой-то невеселый, – кивнул он в сторону только что подошедшего к ним Вахрамеева.

– А чего мне радоваться? – проворчал старый абордажник. – Месяца не прошло, как меня, будто худую собаку, со службы выгнали. А теперь что ж, и я гожд стал? Опять же вы с доктором Крыловым, дай вам Бог здоровья, меня вылечили. Хоть сейчас в атаку за веру, царя и начальство!

Последнее слово бывший боцман проговорил, будто выплюнул. Видимо, накопилось у ветерана...

– А пойдешь ко мне? – предложил Март.

– На трофей? – задумался дядька Игнат. – Пойти-то можно, только на что я тебе?

– Наша машина заточена под диверсантов, так что без специалистов твоего профиля никак... Набирай команду, сам ее потом и возглавишь. Оснастим, вооружим и будем вместе по вражьи тылам супостата кошмарить...

– Ну какая на таком малом летуне штурмовая команда, – махнул рукой Вахрамеев, заодно аккуратно поправив крестника, все же абордажники – это очень специальные люди, исключительно для захвата неприятельских кораблей. – Так, смех один. Разве бот какой отработать, скорости нашей «Птице» должно хватить за летающей лодкой угнаться... Но на казенную службу все одно не вернусь. Хватит! А, была не была! Принимай, командир, до своего табора. Может, и я на что сгожусь.

Еще одним человеком, отказавшимся от службы на «Буране», стал доктор Крылов. Впрочем, вступать в экипаж «Ночной Птицы» он тоже не торопился. В принципе, понять его было можно. На ограниченном пространстве лодки не было места даже для медпункта, что уж тут говорить о лазарете!

– Я бы на вашем месте, Мартемьян Андреевич, все же подумал о переезде в Петербург. Поверьте опыту старшего товарища. Любая даже самая блестящая будущность, которая ждет вас в составе флота, не пойдет ни в какое сравнение с

перспективами, открывающимися в столице.

– Благодарю, но пока у меня другие планы.

– Очень жаль!

– Но куда вы пойдете?

– Пока что поработаю в местном госпитале в качестве вольнонаемного хирурга. Раненых много, персонала не хватает, так что найдется дело и для меня. Все же на кораблях работы не так много. Приватирсы – люди хронически здоровые. Тут и квалификацию потерять недолго...

– Что ж, удачи!

В общем, для укомплектования экипажа, хотя бы по самому сокращенному штату, нужен был как минимум еще один пилот и пара механиков. Колычев на какое-то время даже пожалел, что почти оправившийся от ранения японец Накагава-Хаджиев остался в Дальнем. Хотя... «Ночная Птица» – корабль японский, и что взбредет его артефактам, когда рядом окажется японский офицер, одному Ктулху известно... Лучше пока не рисковать!

Нет, на аэродроме приватиров не было недостатка в квалифицированных специалистах, но брать кого попало Март откровенно опасался. И тут его, как ни странно, выручил Витька. Общительный и дружелюбный Ким легко сходил с людьми и успел обзавестись некоторыми связями. Так что стоило приятелю поделиться своей проблемой, неугомонный кореец тут же притащил за руку их старого знакомого.

– Привет, Степа, – удивленно посмотрел Колычев на бывшего механика с «Аргуни». – Какими судьбами?

– Здорово, Марик, – начал было тот, но, получив тычок от Кима, тут же поправился: – То есть здравия желаю, Мартеньян Андреевич! А пришел я по делу.

– Ну, рассказывай.

– Да шуток прошел, будто у вас теперь корабль свой имеется и люди нужны. Может, возьмете меня по старой дружбе? А то что-то засиделся я тут...

– Люди-то мне нужны, – не стал отрицать Март. – Только надежные и верные. Да при этом еще и хорошие спецы... С чего ты взял, что подойдешь?

– Так механик-то я неплохой, вы не сомневайтесь, хотя бы и Пал Никодимыча, нашего стармеха с «Аргуни», спросите, – немного смутился Дугин, некстати припомнив ту давнюю историю, и тут же постарался загладить эффект, добавив себе позитива: – По боевому расписанию стрелок крупнокалиберного зенитного пулемета, помните, кэп, как япошек на взлетном поле тогда покروшили?

– Это да, зачетно отработал, спору нет...

– Во-о-от... Ну а что до иного и прочего, так...

– Ладно, корабль у меня маленький, зайцев на него не проведешь... В общем так, камрад Дугин Степан, как тебя по батюшке?

– Николаевич.

– Так и быть, Николаич, беру тебя в экипаж бортмехани-

ком, но только с испытательным сроком. Проявишь себя – возьму на постоянную, накосячишь – не взыщи!

– Благодарствую, Мартемьян Андреевич. Уж я вас не подведу!

Нашелся претендент и на должность второго пилота. Стоило Дугину отправиться к месту службы, как невозмутимый будто изваяние Будды Ким представил перед грозным командиром «Ночной Птицы» смущенную донельзя Таню Калашникову.

– Здравствуйте, – робко промолвила она, глядя исподлобья на Марта.

– Привет, – выразительно посмотрел на приятеля Колычев.

– Мне сказали, вам нужен пилот?

– Ну, вообще-то да.

– Я была лучшей на курсе, – закусил губу девушка. – Вот только после выпуска мне сразу сказали, что пилотаж – дело мужское и...

– А тут еще Макаров издал приказ убрать всех женщин с ответственных должностей, – пояснил Витька. – Так что нашей Тане теперь хоть в уборщицы или в телефонистки на коммутатор. А у нее, между прочим, медаль!

– Я в курсе, – хмыкнул Март. – Только ты забыл, что наша общая знакомая – военнотруженица, и перевести ее на приватный корабль не такая уж простая задача.

– Если нет вакансий в ВВФ, то можно, – умоляюще по-

смотрела на него девушка. – Что мне теперь, в обслугу идти с дипломом пилота и офицерским званием?

– Что ты будешь делать, – с сомнением посмотрел на ее сублительную фигурку и бледное личико Колычев. – Радиодетло ты знаешь наверняка, раз уж диспетчером была.

– Так точно! На отлично!

– Это хорошо. Штурманом сможешь работать?

– Думаю, справлюсь, – уже не так уверенно ответила девушка. – Только надо штурманские инструменты докупить: навигационную и масштабную линейки, ветрочет, наколенный планшет, портфель для журналов, документов и карт...

– Ничего, если что, подучим, все нужное приобретем... Главное, основа есть... Проверить твои летные навыки сейчас не получится. Горючего в обрез. Но пока будем идти до места, время на экзамен найдется. Не справишься с управлением или перегрузками...

– Я справлюсь, я сильная! – посмотрела на него горящим взором барышня.

– Мне бы твою уверенность... стрелять-то ты умеешь?

– Ну, я не снайпер, но с тридцати метров из нагана выбиваю больше сорока на пять выстрелов.

– Нормально, добро пожаловать на борт, но учти, пока ты официально только пассажир!

– Есть, пассажир! – вытянулась Татьяна.

– Вот тебе деньги, товарищ Калашникова, приобретите срочно все необходимое и особенно картами озаботьтесь. И

чтобы мухой...

– Есть мухой, командир! – бодро отозвалась девушка, довольно улыбнувшись, ведь пассажирам задачи не ставят, а просто катают в качестве мебели...

– А что, у нас намечается рейс? – уловил главное в речи друга Витька.

– Угу, – кивнул тот и с загадочным видом добавил: – Испытательный!

Испытать «Ночную Птицу» в условиях осажденной столицы Чосона оказалось делом не самым простым. Не хватало людей, вооружения, не говоря уж о горючем. К тому же требовалось разрешение штаба флота, а его не давали без резолюции начальника мобилизационного отдела. Так что новоиспеченному рейдеру ничего не оставалось делать, как отправиться на личную встречу с графом Оссолинским.

– Разрешите? – постучал в заветную дверь Колычев, стараясь придать себе как можно более невозмутимый вид.

– Входите, – раздался знакомый голос.

Оказавшись внутри, самый молодой капитан приватиров с удивлением наткнулся на улыбающегося Шмелева с новенькими погонами штаб-ротмистра на плечах.

– Вот уж кого не ожидал здесь застать! – смешался Март.

– А вот я, признаться, совершенно не удивлен, – парировал жандарм. – Ибо где неприятности, там обычно возникают вы. Садитесь, Мартемьян Андреевич, разговор впереди

долгий...

– Благодарю. А о каких неприятностях идет речь?

– Так вы не знаете?

– Увы.

– С какой целью вы искали встречи с капитаном второго ранга Оссолинским?

– По служебной надобности, – развел руками Март. – У меня ведь теперь свой корабль, а все приватиры, как вам вероятно известно, находятся в ведении мобилизационного отдела.

– Экий вы приткий, молодой человек. Не успели из училища выйти, уже и корабль свой.

– Так вы тоже в чинах подросли. Поздравляю.

– Благодарю. И все-таки, что у вас с Оссолинским?

– Да ничего такого... Пойдите, с ним что-нибудь случилось?

– Вроде того. Исчез.

– Но как такое возможно?

– Вот и мне интересно... стоило вам прийти на бал, там резня приключилась. Познакомились с фон Ладсбергом, и он не зажился, а вы опять невредимы, да еще с прибытком. Теперь вот не успели на прием в штаб записаться, так их сиятельство поспешил исчезнуть...

– На что это вы намекаете?

– Помилуйте, какие уж тут намеки!

– Послушайте, ротмистр, я никогда прежде не видел гра-

фа Оссолинского и не имел с ним никаких дел. Так что все это какая-то нелепая череда случайностей!

– Ну-ну. А с мадемуазель Ли вы тоже не знакомы?

– А что с ней? – похолодел внутри Март.

– Да ничего, – не сводя с него глаз, отвечал жандарм. – Запросила через британского военного агента при нашем штабе у японцев зеленый коридор, да и была такова!

– Мне ничего об этом не известно!

– Но вы были довольно близко знакомы, не так ли?

– Боюсь, вы преувеличиваете...

– Ах да, все забываю, какие теперь нравы. Вы всего лишь были любовниками, откуда вам знать ее...

– Господин ротмистр!

– Черт с вами, Колычев. Пока, – сделал ударение Шмелев, – можете быть свободны!

– Честь имею! – кивнул Март и направился к выходу.

– Всего доброго, – холодно блеснули глаза жандарма, после чего он многообещающе добавил: – Я не прощаюсь!

– Вот сукин сын! – выругался про себя молодой человек, имея в виду исчезнувшего Оссолинского. – Почуял опасность и ушел, как сом под корягу... Ну ничего, еще встретимся на узкой дорожке...

В голове его все время крутилась какая-то мысль, но он никак не мог понять, в чем дело, пока не вспомнил слова Беньямина: «Лиманский запросил срочный вылет». Это же тот самый Лиманский, в компании которого он видел Беллу

во время знакомства с журналисткой... А что, если именно он вывез предателя?..

Для многих, если не для большинства, жизнь высокого начальства представляется едва ли не синекурой. Огромное по меркам простых смертных жалование, на всем готовом: от роскошного казенного особняка до парадного выезда. Твердое и ничем непоколебимое положение в обществе. А вокруг тебя суетятся, нороят предугадать желания, ловят твой взгляд и радуются малейшим знакам внимания. Увы, в реальности все куда сложнее...

Бесконечные подковерные битвы, интриги, подставы и хитроумные ловушки. Альянсы, компромиссы, а иногда и поражения. Когда-то юный гардемарин Вадим Макаров, мечтая о черных орлах на эполетах и высших наградах, не мог бы и подумать, к чему в итоге приведет его судьба. И в который раз он тяжело вздохнул, вспоминая недобрым словом свое двухлетней давности решение принять под начало Третий Императорский воздушный флот.

Обычно в таких случаях давали возможность выбора. Но Первый и Второй воздушные флоты, именовавшиеся по старой памяти Балтийским и Черноморским, были на обозримую перспективу забронированы за «своими». Оставались лишь вакансии генерального инспектора высших военно-воздушных учебных заведений да начальника глубоко третьей степенной Туркестанской воздушной эскадры. И та и другая должности неофициально именовались не иначе как

«кладбище слонов», поскольку служили последним пристанищем для престарелых адмиралов, деть которых было некуда, а уволить не за что.

Судя по всему, высокое начальство было уверено, что Макаров выберет один из этих вариантов. Но то ли в сыне прославленного флотоводца разыграла отцовская кровь, то ли еще по какой причине, но молодой адмирал с какой-то отчаянной решимостью ухватился за предложенное ему место главкома.

Увы, до сих пор служба его проходила по большей части в штабах, а многочисленные награды, украшавшие своим блеском парадный мундир, заслужены им отнюдь не в сражениях. Но теперь былые заслуги не имели никакого значения. Нужно вести свой флот в бой, а готов ли он? Говоря по совести, Вадим Степанович не был в этом уверен...

Прибыв в Сеул, командующий надеялся по-быстрому разобраться со сложившейся ситуацией, назначить на место погибшего фон Ландсберга достойного доверия офицера и как можно скорее вернуться в ставку... Но стоило ему углубиться в местные расклады, как события понеслись вскачь.

– Черт бы взял этого молодого Колычева и его молодецкую удаль! – помимо воли вырвалось у адмирала. – Вот что с этим прикажете делать?

С одной стороны, юный рейдер принес огромную пользу Отечеству в целом и ему в частности. Захватить сверхсекретный вражеский корабль и настоящего японского генера-

ла – это дорогого стоило! И при правильном докладе наверх, а уж это Вадим Степанович умел, обещало целый дождь наград на причастных и не очень должностных лиц. А потом за вражеского военачальника взялись жандармы и раскололи до самого доньшка.

Цукахара, первоначально державшийся с невозмутимостью бронзового Будды, теперь ронял слюни и улыбался как пришибленный, а перед Макаровым лежала подробная выдержка из его допроса. Дополненная захваченными все тем же Колычевым картами, документами, а также имеющимися данными разведки, она подробно раскрывала все детали сосредоточения вражеских сил, ближайшие к фронту склады горючего и боеприпасов и массу другой информации.

И теперь от него все, и прежде всего император, ждут решительных действий. Но, простите великодушно, какими силами он должен их произвести? Имеющихся в его распоряжении кораблей едва хватало для удержания огромных пространств русского Дальнего Востока, и нет никакой возможности собрать их в кулак без того, чтобы критически оголить фланги. Нужны подкрепления, причем срочно...

В общем, сегодня утром он решился и отправил подробнейшее донесение государю, а там, куда кривая вывезет. Откажут – и очень хорошо, будет, чем прикрыть собственное бездействие, а если одобрят, то хотя бы прибавится несколько перворанговых кораблей... И вот теперь перед ним лежат два бланка телетайпа. Первый гласил – на докладе ваше-

го высокопревосходительства собственной рукой его императорского величества начертано: «Утверждаю!»

– Господи, спаси и сохрани нас Царица Небесная! – перекрестился адмирал и осторожно взялся за второй.

«По именному Его Императорского Величества повелению в состав Третьего флота перебрасываются следующие силы...»

В пересохшем от волнения горле сразу же запершило, но Вадим Степанович не стал тянуться к графину, а первым делом просмотрел список перебрасываемых кораблей. Два линкора, шесть фрегатов, да еще корветы с транспортами... целая армада!

«А что, если встревоженные пропажей генерала японцы проведут перегруппировку? – обдало его холодом. – Нет, подкреплений долго ждать нельзя, нужно использовать те силы, что под рукой, а вновь прибывшие станут резервом».

– Вызвать ко мне Зимина! – распорядился адмирал, после чего все-таки налил себе воды и жадно припал губами к стакану.

Бывший приватир не заставил себя ждать, но, когда адъютант доложил о прибытии новоиспеченного капитана первого ранга, Макаров успел внутренне собраться, сживаясь с новыми реалиями, и привести в порядок мысли.

– Заходите, Владимир Васильевич, – радушно встретил бывшего рейдера хозяин кабинета. – Рад вас видеть!

– Благодарю, – осторожно отозвался Зимин.

– Ходить вокруг да около не буду, – продолжил командующий. – Уж не взыщите, а скажу все как есть!

– На меньшее я и не рассчитывал.

– Так вот, – проигнорировал его реплику адмирал. – Как вам, вероятно, известно, свободного линкора или фрегата у меня теперь нет. Однако держать при штабе такого опытного командира, как вы, я полагаю ничем не оправданным расточительством. Посему вот мой вердикт. Все находящиеся в Сеуле и его окрестностях приватирские корабли считаются мобилизованными и сводятся в один отряд, командовать которым будет ваше высокоблагородие. Что скажете?

– Это большая честь, – нахмурился ожидавший чего-то подобного Зимин. – Однако оправданно ли создание такого соединения? Корабли у нас весьма разношерстные, а уж про их капитанов и владельцев и говорить нечего.

– Тут вам, Владимир Васильевич, и карты в руки. Вы эту публику лучше всех знаете, кому ж как не вам, с ними и управляться?

– Понадобится время и... средства!

– В средствах я вас не ограничиваю, а вот времени у нас нет. Совсем!

– Даже так?

– Увы. Можете поблагодарить своего воспитанника. Если бы не его добыча... Впрочем, извольте сами удостовериться.

С этими словами Макаров раскрыл карту и показал своему собеседнику последние данные. Даже беглого взгляда бы-

ло достаточно, чтобы убедиться в уязвимости японских позиций.

– Грех не воспользоваться, – задумчиво пробормотал Зимин.

– Вот и я так думаю. Поэтому готовьтесь, Владимир Васильевич. Я собираю всех, кого только можно. И пока мои фрегаты будут драться с японцами, вы и ваши люди должны уничтожить все их склады. А затем в наступление перейдет пехота.

– Наших тут немного, – покачал головой капитан первого ранга, – а на чосонцев надежды мало!

– Сам знаю, – поморщился адмирал. – Однако без снарядов даже японцы много не навоюют, так что...

– Я вас понял, ваше высокопревосходительство. Но остался вопрос с деньгами. Без этого рейдеров с места не сдвинуть.

– Держите, – протянул ему вексель Макаров. – Это за ваш «Буран». Он теперь выкуплен в казну. Второй пойдет на оплату страховки остальным...

– Достойная сумма.

– Я тоже так думаю.

Получив приказ от Макарова, Зимин развил бурную деятельность. Собрав в «Одессе» капитанов всех исправных приватирских кораблей, он сообщил им «радостное» известие о мобилизации и, переждав первый всплеск возмуще-

ния, озвучил условия. В общем, предстоящее дело было опасным, но неплохо оплачиваемым, а это до некоторой степени меняло расклад. Кроме того, всем нежелающим поступить на службу было предложено в течение часа убраться ко всем чертям с рейдеров. А идти в условиях осажденного города большинству присутствующих было просто некуда.

Сразу нарезать задачи своим новым подчиненным командир отряда не стал, справедливо опасаясь возможной утечки. Но предупредил, чтобы все были в готовности с полными баками, экипажами и боезапасом.

– Времени у нас в обрез. Потому без долгих вводных доложите, какова степень готовности бортов к работе.

Последовала череда кратких отчетов, из которых следовало, что в строю всего четыре машины. Еще один рейдер почти в порядке, но у него нестабильно работают оба маршевых двигателя.

– У твоей «Тунгуски» однотипные движки с «Селенгой» и «Катунью». Они обе в ремонте, но как раз моторы у них в порядке. Срочно снимайте и перебрасывайте их тебе. На все про все два часа и не минутой больше!

– Да ты что, Зима! – возмутился приватир. – Этого времени едва хватит, чтобы просто перекинуть моторы. Но по регламенту нужно проверить работоспособность, погонять на разных режимах...

– Остальным через час доложить о готовности к старту! – проигнорировал его возглас новоиспеченный началь-

ник отряда. – Загружайте осколочно-фугасные и зажигательные авиабомбы и снаряды для орудий. В командах обеспечить полный штат, людей добрать с ремонтных кораблей. Вопросы? Тогда чего сидим! Война, господа, времени на раскочку нет!

Как бы то ни было, больше возражать никто не решился, и капитаны разошлись.

– Колычев, задержись, – остановил намылившегося было с ними воспитанника Зимин.

– Смотри внимательно, Мартемьян, – показал карту каперанг. – Вот здесь и здесь у японцев посты ВНОС³. Твоя задача – высадить незаметно десантные группы, которые их уничтожат. Задача понятна?

– Так точно, – кивнул Колычев. – Только не уверен, что на «Ночной Птице» поместится столько людей.

– Ты уж постарайся. Надо, чтобы всем места хватило. От этого зависит успех завтрашней операции.

– А что если...

– Договаривай.

– Что, если вместо одной группы диверсантов пойдем мы.

– Кто мы?

– Мой экипаж. Я, дядька Игнат, Ким и...

– С ума сошел? И думать забудь об этом! Твоя задача высадить людей, потом так же незаметно их забрать. На этом все! Понятно?

³ Пост ВНОС – пост воздушного наблюдения оповещения и связи.

– Так точно, – вздохнул Март.

– Хорошо, что точно. А то знаю я твою натуру, – проворчал опекун, после чего, окинув внимательным взглядом парня, продолжил воспитательную беседу: – Я прекрасно понимаю, что у тебя на душе, сам когда-то был молодым командиром, но твое поведение никуда не годится!

– А что такое? – изумился Колычев.

– Посмотри на свое отражение, – показал на зеркало Зимин. – Похудел, сунулся, под глазами черные круги... Забыл, что летчикам нужно полноценно питаться и отдыхать? Ничего, я напому!

– Действительно, замотался, – вынужден был признать молодой человек. – Но это ничего, я в норме!

– Я вижу, – саркастически усмехнулся капитан первого ранга. – В такой норме, что того и гляди воткнешь корабль куда не надо. В общем, прекращай пререкаться и садись за стол. Это приказ!

Закончив с нотациями, Зимин нажал кнопку вызова прислуги.

– Чего изволите, ваше высокоблагородие? – возник на пороге официант.

– Принеси нам, братец, чая с лимоном, варенья, конфет и бутербродов с балыком, ветчиной, сыром, да побольше, а то мы с капитаном Колычевым до того оголодали, что готовы быка съесть.

Судя по скорости, с которой угощения появились на сто-

ле, все было заранее подготовлено и только ждало приказа.

– Вот, совсем другое дело. Так что давай, налегай на угощение. Шоколада обязательно возьми, это не абы какой, отменный продукт от самого Жоржа Бормана!

Увидев перед собой такую грудку разносолов, Колычев вдруг понял, что и впрямь давно нормально не ел, а потому, недолго думая, принялся за угощение.

– Остальным вы пока ничего не сообщили, – вспомнил он, утолив первый голод. – Думаете, что среди рейдеров могут быть изменники?

– Черт его знает, – поморщился тот. – Дряни среди наших коллег хватает. Тем более что большинству из них совершенно не за что быть благодарным своему отечеству.

– Как и вам, не так ли?

– Я – офицер! – жестко ответил Зимин. – Да еще и казак. Мы два раза не присягаем. Да ты жуй, а то еще подавишься, чего доброго!

– Простите, я не то хотел сказать. В общем, вы уверены, что они выполняют приказ?

– У приватиров есть свой кодекс. Если контракт заключен, он будет выполнен при любых условиях. А с теми, кто нарушает наши правила, мы разбираемся сами без оглядки на законы Российской империи и очень жестко. Тебе, раз уж ты стал одним из нас, полезно будет это знать... Да и вообще, я гораздо больше опасаясь утечки из штаба.

– Думаю, в ближайшее время этот канал для японцев ока-

жется недоступен.

– Почему ты так считаешь? – насторожился капитан первого ранга.

– Оссолинский исчез, мисс Ли бежала...

– Может, ты и прав, а может статься, это все чудовищное совпадение, – покачал головой Зимин, не знавший еще всех подробностей недавних событий.

– Лиманский тоже поспешил нас покинуть, – как бы между прочим добавил Колычев, с удовольствием дожевывая последнюю конфету, и сам поразился: когда и успел умять столько? Видимо, молодому организму и в самом деле требовалось восстановить потраченные резервы и восполнить энергию.

– А при чем здесь капитан «Синегорья»? – насторожился опекун.

– Я практически уверен, что именно он вывез Оссолинского.

– Это серьезное обвинение. Надеюсь, у тебя есть доказательства?

– Пока нет, – вынужден был признаться Март. – Но они явно как-то связаны, и этот срочный вылет выглядит крайне подозрительно.

– С последним я, пожалуй, соглашусь. Что же касается остального... Постарайся держать свои подозрения при себе, по крайней мере, пока нет твердых улик. Я согласен, что Лиманский – человек подозрительный, но это можно сказать

о доброй половине рейдеров.

– Да, но если он и впрямь предатель?

– В таком случае хорошо, что он улетел раньше, чем началась подготовка к сражению! В общем так: мы будем за ним следить, и, если твоя догадка подтвердится, Лиману не поздоровится. Из-под земли достану предателя и лично снова зарюю, – с неожиданной свирепостью жестко ответил рейдер. – Но до той поры молчок!

Трудно сказать, как создатели «Ночной Птицы» додумались скрестить ежа и ужа, то есть воздушный корабль и подводную лодку, но своей цели они каким-то образом сумели достичь. И главным бонусом для этого таинственного аппарата было как раз то, что никому и в голову не могло прийти, что это в принципе возможно. Корабль потому и оставался неуловим долгое время, практически как «Наутилус» из романов Жюль Верна, что соединял в себе столь разные требования.

Секретность же, окружавшая это «потаенное судно», только усугубила дело, а потому внимательно наблюдавшие за небом японцы и представить не могли подобного чуда, и не сумели заметить высадку у себя под носом.

Две группы диверсантов, хотя и весьма урезанного состава, поместились на борту с большим трудом. Пришлось не только отдать им носовой десантный отсек, но и разрешить расположиться прямо на палубе посреди и без того

узких проходов. Так что членам экипажа приходилось при всякой необходимости перемещаться по кораблю, проявляя прямо-таки чудеса акробатики.

Главное неудобство таилось даже не в отсутствии свободного пространства, а в недостатке кислорода. Во время передвижения под водой иных источников кроме баллонов со сжатым кислородом не имелось, потому расходовать его приходилось экономно. К счастью, путешествие оказалось не слишком долгим. Закаленные в боях воины стойчески выдержали неудобства, и теперь нагруженные взрывчаткой и оружием, они бесшумно спускались по откинутой аппарели, стараясь не зацепить металл и случайно не загреметь.

Приближалось утро, когда выбравшаяся из морской пучины «Ночная Птица», подобно древнему ящеру, легла на каменистое дно небольшого залива, какими изобилуют берега Кореи. Нельзя сказать, чтобы вокруг царила полная тишина, такого в живой природе практически не бывает, но все же окрестности оказались погружены в сон.

– Славная у вас посудина, – не удержался от похвалы молодой сотник, командовавший одной из групп пластунов. – Доставили почти до места, и даже в холодной водичке искупаться не пришлось!

– Тесная только, – буркнул кто-то из его подчиненных, с удовольствием выбравшись наружу.

– Удачи вам! – пожелал ему Март.

– Без нее родимой никак, – блеснул в предрассветных су-

мерках белозубой улыбкой казачий офицер.

Вторая группа была набрана из штурмовиков с фрегата «Паллада», и командовал ей сверхсрочник, чем-то неуловимо похожий на дядьку Игната. Эти на тесноту не жаловались. Старший абордажник уточнил местоположение на карте, кивнул на прощание командиру «Ночной Птицы», после чего вместе с подчиненными растворился в окружающей тьме.

– Я так волновалась, – тайком шепнула командиру Калашникова. – Боялась, что неверно определила координаты.

– Все нормально, Таня, – попытался приободрить ее Колычев, машинально похлопав по плечу, но тут же поспешил отдернуть руку.

Девушка и без того смотрела на него глазами недоенной коровы, и любой, даже совершенно невинный жест мог быть истолкован самым превратным образом. «Все-таки прав Маркаров, что приказал убрать женщин подальше, – с досадой подумал Март. – Без них проблем намного меньше». Надо сказать, что скромная и обстоятельная Таня нравилась ему, но именно как друг и боевой товарищ. Она и впрямь оказалась недурным пилотом. Быстро разобралась с новыми для нее обязанностями и выполняла их с редкой добросовестностью. Но проклятый дар не оставлял бедняжке никаких шансов. Аура сильного одаренного на таком ограниченном пространстве подавляла все чувства, кроме одного...

К тому же был человек, которому она нравилась гораздо

больше. Стоило выдаться свободной минутке, как вокруг нее начинал виться Ким. То поинтересуется, как дела, то предложит помощь, то принесет непонятно откуда взявшуюся вкусняшку. Он, конечно, донельзя влюбчив, но на сей раз, кажется, втрескался по-настоящему. А она, как водится в таких случаях, смотрит совсем в другую сторону... Не-не-не, надо разбивать этот дурацкий треугольник, пока не поздно!

– Ждать здесь будем? – поинтересовался заглянувший к ним в отсек Витька.

– Нет, – покачал головой капитан. – Вернемся в море и опустимся на грунт. В расчетное время всплывем.

– А если наших при возвращении будут преследовать?

– То мы ничем не сможем им помочь. И вообще, это приказ Зимина!

К несчастью, Ким оказался провидцем, или, как чаще говорят, – накаркал! Пока лодка лежала на грунте, ее командир сканировал через «сферу» окрестности, благо с помощью «Ночной Птицы» это стало нетрудно. И дальность, и точность обзора возросли кратно. Остальной экипаж отдыхал. В том смысле, что Витька с Игнатом затеяли чистить прихваченный с собой с базы крупнокалиберный пулемет, Степа, лежа на подвесной койке, давал им глубокомысленные советы, а Таня, добровольно взявшая на себя обязанности кока в их маленьком коллективе, возилась на маленьком камбузе, пытаясь что-нибудь приготовить из имеющихся

ся продуктов. Как ни странно, ей это удалось, и по кораблю поплыли аппетитные запахи.

– Эх, сейчас бы что-нибудь пошамать! – шумно втянув носом воздух, сообщил со своего места Дугин.

– Тебе бы только пожрать, – беззлобно хмыкнул старый абордажник, ударом ладони загоняя на место крышку ствольной коробки, после чего с удовлетворением добавил: – Вот теперь другое дело!

– Поесть и впрямь бы не мешало, – сглотнул слюну перемазанный оружейной смазкой Ким.

– Еще один кишкоблуд!

– Все готово! – отозвалась прекрасно слышавшая их де-вушка. – Мойте руки!

– Это мы запросто, – обрадованно загалдели члены команды, и даже Вахрамеев не стал бурчать, что перед возможным боем желудок набивают только идиоты.

Завтрак был, прямо скажем, немудрящ. Все продукты достались новому экипажу от прежних хозяев – японцев, так что перекус вышел несколько экзотичный. Крепкий зеленый чай сенча, разогретая на тяжелой чугунной сковороде говяжья тушенка с забавным названием «Ямато-ни»⁴, обильно сдобренная имбирем, соевым соусом и чем-то сладким. Вме-

⁴ Ямато-ни (###) – практически единственный вид консервированного мяса, который поступал на снабжение японской императорской армии и флота. В переводе означает «по-японски (сделано по-японски)». Первоначально изготавливалось из тушеной утки, но, когда уток стало не хватать, перешли на говядину, рыбу и даже китовое мясо (дальневосточного бутылконоса).

сто хлеба пришлось довольствоваться армейскими галетами. Но в походе, как говорится, не до изысков.

– Мартемьян Андреевич, – позвала командира Таня. – Будете кушать?

Ответом ей было молчание.

– Не трогай его, девонька, – заметил дядька Игнат. – Как ни крути, а первый боевой выход у него. Волнуется...

Виктор явно хотел что-то сказать, но заметив, какими глазами Калашникова смотрит в сторону ходовой рубки, помрачнел и притих. Есть, впрочем, не перестал.

– Может, ему отнести? – задумалась девушка, после чего решительно налила полную кружку кофе и присовокупила к ней плитку шоколада, подаренную Кимом.

– Общая тревога! По местам стоять! Срочное всплытие! – негромко, но так, что все услышали, приказал Колычев. – Наши возвращаются!

Первыми на узком песчаном пляже появились забайкальцы. Им удалось вырезать японский пост ВНОС, но во время отхода они напоролись на патруль. Заметив казаков, японцы, недолго думая, открыли огонь. Стрелки из них оказались весьма так себе, но самое главное – поднять тревогу им удалось. Так что теперь за русскими диверсантами гнался почти батальон самураев и их пособников из числа корейцев. Последние были плохо вооружены и обучены, но три сотни бойцов против шестерых – это без вариантов.

Впрочем, до берега добрались только пятеро, и по мень-

шей мере двое из них были ранены. Товарищи поддерживали их под руки, а пулеметчик прикрывал, давая по наседавшему противнику скупые очереди. Очевидно, экономя боеприпасы.

Тем временем «Ночная Птица» приблизилась к берегу вплотную, так что внимательный наблюдатель, окажись он на окрестных скалах, без труда смог бы заметить, что под барашками волн скрывается ее веретенообразное тело.

– Чего там? – мрачно спросил Вахрамеев.

Калашникова в ответ уступила ему место у перископа.

– Надо им как-то помочь, – вырвалось у Колычева, прекрасно видевшего все, что происходит, с помощью дара.

– Ничем мы им не поможем! – жестко ответил старый абордажник. – Пока всплывем, пока пулемет на турель приладим, уж все кончено будет. Зато перед узкоглазыми раскроемся, это к бабке не ходи!

– И что, пусть их теперь убьют? – пробурчал обиженный на «узкоглазых» Ким.

– Лучше скажи, что там со вторым постом? – спросил не обративший ни малейшего внимания на Витькин возглас дядька Игнат.

– Тоже уничтожен.

– Значит, дело сделано. А штурмовики?

– Нигде не видно.

– Стало быть, задание выполнили и затихарились. Молодцы. Так и надо!

– Наши! – неожиданно воскликнул Март.

– Где?

– Наши рейдеры летят! – возбужденно воскликнул сумевший считать эмоции командира Ким.

Пришло время для реализации замысла Зимина. Мобилизованные корабли приватиров, лишь номинально считающиеся корветами, вместо того, чтобы биться лбом о фронтую ПВО японцев, зашли на предельно малой высоте с моря и теперь стремительно неслись к своим целям. Посты ВНОС, способные предупредить японцев об их атаке, перестали существовать, а от одиночного патрульного корабля, будь он даже фрегатом, они бы отбились.

Впрочем, все наличные силы Объединенного флота Японской империи сейчас собирались для отпора перешедшим в наступление русским. Как позже выяснилось, Макарову удалось незаметно стянуть свои силы к Сеулу и атаковать ими вражеские позиции.

В центре ордера шел «Цесаревич», вокруг которого группировались фрегаты и более легкие боевые корабли, а вокруг них рыскали разведчики. Время от времени главный калибр летающего линкора давал залп, перемешивающий оборону японцев с землей, а затем эта летающая орда двигалась дальше.

Небольшие отряды противника несколько раз пытались связать русские силы боем и растащить их в стороны, стараясь превратить сражение в несколько мелких схваток, в ко-

торых у них могло появиться численное преимущество, но русская эскадра с упрямой невозмутимостью продвигалась вперед, отбивая разрозненные наскоки слаженными залпами.

Но это было далеко, а здесь и сейчас преследовавшие казаков враги застыли в почтительном ужасе, наблюдая, как над их головами двигается целая армада воздушных судов. Не тратя времени даром на обстрел одиночных целей, рейдеры выходили на замаскированные склады и утюжили их бомбами, а рискнувших сопротивляться расстреливали из всех стволов.

«Птица, поднимайся в воздух!» – повинуюсь какому-то наитию, скомандовал Март.

«Принято, капитан», – ответил искусственный интеллект, и металлический корпус задрожал от заработавших на полную мощь двигателей.

– Продуть цистерны! – крикнул Дугину с Кимом Колычев, и они сломя голову бросились к клапанам.

Подводная лодка выскочила из пучины вод, подобно дракону из древних восточных легенд, и тут же двинулась к берегу, выплескивая на ходу из системы погружения тонны забортной воды. Это для японских солдат и их корейских помощников было уже чересчур, и они принялись сначала пятиться, а потом и вовсе побежали, бросая на ходу оружие.

Как ни спешили они к забайкальцам, помощи дождались

только трое. Командовавший ими сотник умер от ран, а прикрывавшего их отход пулеметчика японцы успели-таки забросать гранатами. Остальных приняли на борт и оказали первую помощь. Штурмовики, как и договаривались, вышли в условленное место ближе к вечеру. Они и впрямь сумели найти для себя укрытие, в котором отсиделись, пока в небе бушевала схватка, после чего без проблем присоединились к своим.

– Хорошо сработано! – сдержанно похвалил воспитанника Зимин после возвращения. – Японцы теперь, конечно, знают, что «Ночная Птица» у нас, но им не до этого. Фронт у Сеула обвалился. Пехота микадо отступает, наши их преследуют, и даже чосонцы взялись за ум, решив воевать надлежащим образом, и прут вперед не хуже гвардейских гренадеров.

– Потери большие? – устало спросил Март, большую часть времени в пути потративший на поддержку и лечение раненых казаков.

– Безвозвратных почти нет. Потеряно примерно полдюжины ботов и истребителей, но все они упали на теперь уже нашей территории и подлежат восстановлению. «Цесаревич» на сей раз отделался парой вмятин. «Паллада» с «Варягом» получили несколько пробоин, но ничего фатального. Про наших рейдеров ты, вероятно, и сам знаешь. В кораблях потерь нет, японские склады уничтожены, и это в значительной степени именно твоя заслуга. Буду ходатайствовать

О твоём награждении...

– А люди? – перебил его Колычев.

– У японцев потери больше, – дипломатично ответил капитан первого ранга, после чего сочувственно добавил: – Привыкай, Марик. Войны без потерь не бывает!

– Я понимаю, – вздохнул тот. – У меня будет маленькая просьба...

– Ты сегодня герой, так что проси, чего хочешь.

– Мне нужно немного времени, чтобы побывать в одном месте.

– Шанхай, Гонконг?

– Владивосток. Но так, чтобы никто не знал.

– Нет ничего проще. Я ведь теперь командую отрядом. Получишь официальное задание идти на разведку. Ну а уж, где ты ее будешь проводить...

Владивосток образца сорок первого года ничуть не напоминал себя же в оставленном Мартом двадцать первом веке. Да, ему приходилось бывать здесь в той жизни, и, проезжая по вроде бы знакомым улицам, сохранившим тогда и теперь те же названия, он не узнавал тот шумный и современный город с более чем полумиллионным официальным населением. Впрочем, нельзя сказать, чтобы он ему не понравился. Напротив, в этом весьма спокойном для города-порта месте чувствовалась какая-то неизъяснимая прелесть и основательность.

Отделение Сибирского Торгового банка располагалось на перекрестке Светланской и Алеутской улиц в большом трехэтажном здании. Оставив мотоцикл на стоянке, он поднялся по мраморной лестнице, застеленной темно-красной ковровой дорожкой, на второй этаж и оказался в просторном зале, где ему преградил дорогу служащий.

– Что вам угодно, сударь? – поинтересовался тот, с сомнением поглядывая на форму пилота.

– У меня ячейка в вашем банке, – чертыхнулся про себя Март, совсем позабывший прихватить в дальнюю дорогу приличный костюм, чтобы иметь возможность переодеться.

В глазах клерка промелькнул отблеск борьбы между синдромом вахтера и врожденной осторожностью. В конце концов, последняя одержала верх.

– Сию секунду, – наклонил он голову с безукоризненным пробором и вызвал кого-то постарше.

Судя по всему, простые смертные не арендовали ячейки в этом банке, поскольку через минуту к ним вышел сам управляющий.

– Будьте любезны назвать номер и пароль, – осведомился он у юноши и, услышав ответ, сдержанно поклонился.

– Прошу вас следовать за мной.

Еще через пару минут они оказались в святая святых отделения, где, тщательно сверившись с записями в толстенном фолианте, в нем наконец-таки признали законного, полноправного клиента. Затем он оказался в изолированном от

внешнего мира кабинете, куда ему, согнувшись от натуги, притащили железный ящик размером с небольшой чемодан и оставили одного.

Покрутив колесики кодового замка, Март с силой приподнял крышку и, сам не зная зачем, зажмурился. Постояв так некоторое время, он осторожно открыл глаза и... увы. На дне сундука лежала лишь папка с документами, старомодный саквояж и конверт из плотной бумаги, более всего напоминавшей ватман.

– Груды бриллиантов, изумрудов или, на худой конец, золотых слитков не наблюдается, – констатировал он с нервным смешком. – С чего же начать?

Попытавшись скользнуть в «сферу», чтобы определить содержимое, он с удивлением понял, что здесь его способности не работают. Очевидно, в банке хорошо знали, на что способны некоторые одаренные, и предусмотрительно обзавелись блокирующими дар артефактами. Делать было нечего, и он взялся за конверт, не без труда его разорвав. Внутри лежало написанное каллиграфическим почерком письмо.

«Дорогой сын, если ты читаешь эти строки, значит, случилось худшее, и нас с отцом давно нет в живых. Один Господь знает, как бы я хотела увидеть, как ты будешь расти и мужать, но, видно, не суждено.

Сейчас ты уже взрослый и могущественный одаренный, раз смог пройти блокировку и раскрыл мнемозакладку, вло-

женную мной в твою память. Я поступила так осознанно и намеренно, понимая, что в ином случае эти знания будут тебе больше вредны, нежели полезны.

Ибо, как говорил Экклезиаст: "Во многих знаниях многия печали". Но человек не властен над своей судьбой, и тебе придется пройти все, что ею предначертано.

Мне неведомо, каким образом мы покинем сей мир, но запомни главное: как бы это ни произошло, наша гибель не случайна. Мне горько говорить об этом, но ее причиной и виной будет моя старшая единокровная сестра Нина Ивановна Кольчева, в замужестве графиня Оссолинская. Не знаю, чем вызвана ее ненависть ко мне, но уже с детских лет я чувствовала ее. Пока был жив отец, она умела сдерживать свои наклонности, но стоило ему покинуть нас, как темная сторона души Нины окончательно взяла верх, и не было ни дня, когда бы мое здоровье, честь, да и сама жизнь не находились бы под угрозой.

Не единожды она устраивала покушения, которые лишь для виду маскировались под несчастные случаи, но всякий раз Господь отводил удар. Не желая искушать судьбу долее, я решила бежать, в тщетной надежде, что меня не смогут найти и оставят в покое. Тогда-то я и встретила твоего отца и своего будущего мужа.

Так случилось, что именно он спас меня в последний момент и, не имея вокруг себя ни одного человека, на которого я могла бы положиться, я вынуждена была довериться

ему, и по прошествии этих лет, не кривя душой, могу сказать, что ничуть о том не жалею. С ним я провела лучшее время своей жизни, за исключением, быть может, детских, когда был жив мой отец.

Тебе, наверное, странно читать эти строки, ведь ты родился в семье, где все тебя любили. Но такова уж моя судьба. Отец любил и баловал меня, однако все его помыслы и чаяния всегда были связаны с заводами. Таким же вырос и мой брат Федор, целиком посвятивший себя науке и не видящий ничего, что происходит подле. Так что, даже если он переживет меня, на его помощь можешь не рассчитывать. Не потому что он плох или недобр ко мне и прочим людям, а едино лишь из-за его одержимости знанием.

Нина же не унаследовала ни интереса к семейному делу, ни дара, несмотря на то, что была увешана звездными адамантами. Но при этом она всегда с радостью ломала мои игрушки и травила зайчат, которых мне приносил после охоты отец. Одному Богу известно, сколько горьких слез выплакала я над ними, но никто не слышал моих жалоб. И будь уверен, что она сделает все, чтобы убить и тебя, и причиной тому, помимо ненависти ко мне, будет наше состояние.

Умирая, твой дед – Иван Архипович Кольчев – завещал десятую часть самым преданным своим сподвижникам из инженеров и мастеровых. Остальное же разделили на четыре части. Две из них причитались Федору, а по одной мне

и Нине. Даже двадцать два с половиной процента акций – это многие миллионы. Понимая, что найдется множество людей, желающих отнять их у тебя, я арендовала эту ячейку и спрятала в ней документы.

И вот теперь я передаю тебе свою тайну. Распорядись ею, как тебе будет угодно. Но знай, в мире найдутся люди, готовые и за малую часть этих сокровищ погубить тебя. Соизмерь свои силы с этой задачей.

Поскольку ты читаешь это письмо, мой замысел увенчался успехом. Семейный энколпион с алмазами помог развиваться твоим способностям, уберег от опасностей, прибавил сил и сберег здоровье.

В саквояже лежат документы на право владения акциями "Объединенных заводов Кольчева", а также еще нескольких предприятий и открытые аккредитивы крупнейших мировых банков. Это огромные средства. Они твои. Однако заклиная тебя, распорядись ими с умом. И самое главное, отплати Нине за нашу с отцом смерть. И дело тут даже не в мести. Просто, пока она жива, ничто не сможет убереечь тебя от ее ненависти!

Что ж, вот все и сказано. Прощай.

Любящая тебя мама».

Начиная читать, Март не предполагал, сколько душевных сил ему для этого понадобится. Несмотря на то, что его было трудно назвать сентиментальным человеком, глаза его не раз предательски влажнели. Какой бы ни была эта Александра

Колычева, сына она любила и сделала все, чтобы укрыть его от большой беды. И в том, что не получилось, нет ее вины. И пусть она мать только этому телу, но не разуму, он выполнит ее волю.

Отщелкнув замок на саквояже, он внимательно ознакомился с содержимым. Помимо акций ОЗК и по всем правилам составленного завещания, там оказались его метрика, свидетельство о венчании родителей и заверенная копия паспорта отца с вписанными в него именами матери и сына – самого Мартемьяна. С такими документами на руках он теперь легко мог доказать свое законное происхождение и право на наследство.

Оставалась простая картонная коробка, перевязанная высушенной от времени гуттаперчевой лентой. Стоило ему попробовать ее развязать, как она рассыпалась, будто на нее было наложено какое-то заклятие. Открыв картонку, Март с удивлением обнаружил внутри что-то вроде несессера. Щелкнув медным замочком, он приподнял крышку и, едва не задохнувшись от охвативших его чувств, понял, что перед ним нечто более ценное, чем груды самоцветов или золота.

Внутри лежал набор ювелирных украшений. Брошь, золотое ожерелье с медальоном, серьги, перстни, кольца, подвески, гребень, шпильки, фероньерки и маленькая диадема. Все они казались выполненными в едином стиле и составляли так называемую «парюру». А еще в каждом предмете имелся звездный адамант. Конечно, камни были не такими

большими, как в его энколпионе, и не были связаны в единую энергоструктуру, но их было так много, что хватило бы на инициацию и оснащение целой армии одаренных!

Дело оставалось за малым: найти деньги на эту армию... Собственно говоря, это и было главной целью его появления во Владивостоке. Среди доставшейся ему от отца недвижимости значились два доходных дома и несколько складских помещений в этом славном и пока еще тыловом городе. Вырученных от их продажи средств должно было хватить на первое время. Остальная собственность находилась в зоне боевых действий, и найти на нее покупателей не представлялось возможным.

Но это было вчера, а теперь он – наследник огромного состояния. И дело даже не в деньгах. «Объединенные заводы Колычева» – это целая империя, которой принадлежит основа здешнего мира. Производство летающих кораблей. Именно эта компания владеет большей частью рудников и приисков, где добываются стеллары. Именно на ней производятся самые мощные двигатели и самые крупные корабли. Именно ее инженеры двигают прогресс...

Никакой сидящий на нефти олигарх из покинутого Мартом будущего не имел и десятой части того значения, какое будет иметь он – самый молодой из клана Колычевых! Мысль эта показалась такой захватывающей, что на какое-то время заполонила все его сознание. Он уже чувствовал себя всемогущим, когда сама собой включилась «сфера» и начисто от-

рубила грезы. Если у мальчика из приюта было столько врагов, желающих завладеть его единственным богатством – энколпионом, то сколько же их будет у наследника миллиардов? Нет, нужно больше информации, а пока ее нет – оповещать мир о своем новом статусе немного рановато...

– Что-нибудь еще, господин Колычев? – почтительно поинтересовался управляющий, когда Март вышел из предоставленной ему комнаты.

– Нет, пожалуй, хотя... не можете посоветовать мне хорошего маклера?

– Хм, – задумался тот. – Позволено ли мне будет осведомиться о ваших намерениях?

– Я хочу продать кое-какое имущество. Два дома, склады...

– Понимаю, – кивнул банкир. – Молодой человек нуждается в средствах. Однако осмелюсь напомнить, что время сейчас не самое подходящее для сделок с недвижимостью. Тем более, насколько я понимаю, деньги вам нужны срочно?

– Увы, все именно так, но у меня нет другого выхода.

– И все-таки есть еще вариант. Обычно мы так не делаем, но вы – особый клиент, поэтому...

– Продолжайте, – поощрил его Март.

– Мы могли бы предложить вам кредит на самых выгодных условиях под залог этой недвижимости.

– И на какую ссуду я могу рассчитывать?

– С вашего позволения, сначала с объектами недвижимо-

сти должны ознакомиться наши специалисты. Однако я уверен, что эта сумма будет никак не менее той, которую вам предложит самый честный маклер, как бы нелепо ни звучало это словосочетание. Документы у вас с собой?

– Конечно. Вот они...

– В таком случае нет ничего проще, – углубился в изучение купчих работник банка. – Что ж, пожалуй, все решится гораздо быстрее. Я знаю эти дома, и в экспертизе нет надобности.

– Вы так хорошо знакомы с рынком недвижимости Владивостока? – не смог удержаться от усмешки Март.

– Просто я снимаю квартиру в одном из них, – тонко улыбнулся управляющий.

– И сколько же? – с видом заговорщика подвинулся к нему Колычев.

Ответ не то чтобы превзошел самые смелые ожидания, но оказался более чем щедр.

– Идем в закрома? – вопросительно посмотрел на него Март.

– Давайте для начала все-таки подпишем документы!

В прошлой жизни Мартову приходилось иметь дело с банкирами. Ипотека, кредит на развитие бизнеса и тому подобные операции. И всякий раз приходилось долго ждать, пока юристы оформят необходимые документы. Но в этом времени все прошло гораздо быстрее. Возможно потому, что никто не догадывался о таких вещах, как ксерокс, компьютер

или 1С-бухгалтерия?

Так что не прошло и часа, как он получил вексель и смог спокойно покинуть финансово-кредитное учреждение.

– Быстро же этот юный пилот прогуляет свое наследство! – не без зависти пробормотал встречавший его клерк.

– Вполне возможно. Молодежь нынче все больше с ветром в голове. Одни танцы и развлечения на уме... – с философским видом ответил управляющий. – Хотя, знаете, я грешным делом ему ресторан посоветовал, чтобы сделку отметить, а он...

– Что?

– Спросил, где тут хорошая библиотека!

– Неужели?!

Интерес к библиотеке у Марта был совсем не праздным. Где, как ни в этом хранилище знаний он мог найти более или менее подробную информацию об «Объединенных заводах Колычева» – крупнейшем мировом концерне, изрядная часть которого теперь по закону принадлежала ему. Нашлось там кое-что и про его «дражайших родственников». Причем как бы не самые ценные сведения оказались не в толстенных фолиантах и аналитических трудах, а в подшивке какого-то бульварного листка.

Нина Ивановна, как следовало из светской хроники, на заре туманной юности ходила увешанная звездными алмазными, как рождественская елка, но дар в ней так и не пробудился. С аристократами такое хоть и не часто, но случалось.

Административные или инженерные таланты отца унаследовать ей также не удалось.

Богатства, доставшиеся Нине в приданое, она с мужем благополучно растранижила, ведя до безумия роскошный образ жизни в Европе. Вероятно, это и подтолкнуло ее начать охоту на собственную сестру, а затем, судя по всему, и на брата. Теперь она и ее потомки числились единственными законными наследниками миллиардов величайшего гросса, промышленника, создателя гравитационных двигателей и воздушных кораблей – Ивана Архиповича Колычева.

И между вожделенными деньгами и старой графиней оставалась единственная преграда – он сам. Март.

Впрочем, все не так просто. После безвременной кончины Федора Ивановича Колычева, приходившегося Мартемьяну родным дядей, корпорацией управлял совет директоров, назначенный не кем-нибудь, а «Сенатом одаренных» и утвержденный самим государем. К слову, царь тоже входил в этот «Сенат», состоявший из самых влиятельных вельмож, высших чиновников и богатейших коммерсантов, каждый из которых обладал к тому же весьма сильным даром.

За каждым из гроссов-сенаторов стояла целая группировка или, если угодно, клан одаренных рангом пониже, а заодно и серьезная коммерческая база, зачастую целые отрасли промышленности, образования и науки концентрировались в их руках.

Дивиденды от деятельности компании акционерам, ко-

нечно, выплачивались, но весьма значительная их часть пока что шла напрямиком в казну. И всех, кроме, разумеется, графини Оссолинской, это совершенно устраивало. А теперь вот появится еще один наследник... Можно представить, как этому обрадуется совет директоров, Сенат, а также все прочие важные и заинтересованные господа!

И почти наверняка в их умных головах, рано или поздно, но скорее всего рано, появится мысль, что без юного наследника всем, и прежде всего сложившемуся порядку вещей, будет только лучше. И тогда ему точно придется туго. Эти люди нанимать криворуких киллеров не станут, у них найдутся ресурсы и помощнее...

Однако тем же самым людям точно так же не хочется делиться с Ниной Ивановной. То есть какой-то кусок бросят, но не слишком большой, ибо она уже старенькая и ей много не надо. Да еще и живет за границей...

В общем, если сумеет убедить их в том, что статус-кво после признания его наследником сильно не изменится, то кое-какие шансы на горизонте возникают. Так что и заранее отказываться от борьбы за наследство ни к чему. Просто подойти к делу надо с умом, продумав внятный, а главное реализуемый план-многоходовку.

И для начала надо прикинуть, на что в таких раскладах может рассчитывать он? Хм. Давайте считать. Первое, у него есть «Ночная Птица» с ее «искусственным интеллектом». Второе, знания из прошлой жизни. Причем весьма специфич-

ческие. В общем, вполне можно представить себя таким же ученым, как дед и дядя. Постепенно разрабатывать новые летательные аппараты и системы управления ими. Новые двигатели, вооружение, да мало ли что еще!

Медицина опять же. Крылов, пожалуй, прав. Человека, сумевшего найти рецепт омоложения организма, будут беречь как зеницу ока, носить на руках... Деньги, конечно, деньгами, а жить, причем полноценно, хочется всем.

Так что третьим пунктом запишем практически сформированную команду одаренных. Он, Крылов, Еситеро Накагава, ставший теперь Хаджиевым. Ну и Ким, конечно. В последнее время его дар сильно подрос. «Асом», не говоря уж о «гроссе», он никогда не станет, но все же процесс идет и явно в нужном направлении. И его можно ускорить, особенно если у Виктора появится свой адамант.

На практически любое из этих направлений он сможет получить финансирование, а вот потом... потом будет видно!

Закончив с изучением документов, он решительно поднялся и направился к выходу, не забыв сунуть швейцару двугривенный. Тот в ответ вытянулся и козырнул, будто перед ним был по меньшей мере член императорской фамилии.

В маленькой кондитерской за столиком сидели и болтали Витька с Татьяной. Вообще-то они должны были страховать своего командира, но, судя по всему, позабыли обо всем на свете. Калашникова ради такого случая переделалась в свое «лучшее платье», спрятала не отросшие толком волосы под

шляпку «колокольчик» и выглядела очень мило. Ким тоже был при параде, так что его можно было принять за офицера чосонского флота.

«А ведь из них могла бы получиться красивая пара, – неожиданно подумал Колычев. – И проблем было бы намного меньше...»

– Ну как? – первым обратила на него внимание девушка.

– Все просто отлично, – ровно отозвался Март, понявший по блеску ее глаз, что проблемы никуда не делись.

– И что дальше? – вопросительно посмотрел на друга Ким.

– Все как в русских народных сказках, друзья мои. Чем дальше, тем страшнее!

С давних пор известно, что у победы много отцов и лишь поражение – всегда сирота. Разгром японской армии под Сеулом не стал в этом смысле исключением. И главным отцом победы в Корее стал ее ван. Впрочем, Ли У предпочитал, чтобы его звали на европейский манер королем. Так ему казалось солиднее.

В общем, стоило отогнать японцев от столицы, его величество соблаговолило устроить прием для того, чтобы наградить самых отличившихся. В первую очередь, разумеется, себя. Затем шли маршалы и генералы победоносной Чосонской армии, за ними русские союзники, ну и под конец дошла очередь до приватиров.

К слову, мобилизованные частники по большей части предпочли бы что-нибудь более весомое, а лучше всего деньги, но со средствами у правительства Кореи всегда было плохо, а вот орденов предшественники Ли У успели учредить множество. И один из них непременно должен был украсить грудь какого-нибудь рейдера.

Капитаны, собравшись за общим столом после недолгих обсуждений за рюмкой чая, постановили, что эта честь достанется самому молодому и удачливому из них. То есть Колычеву. О чем и довели своему начальнику.

– И зачем мне это надо? – удивился свалившейся на него новости Март.

– Награды у них красивые, – пожал плечами Зимин. – Можно прицепить в петлицу фрака. Произведешь фурор на каком-нибудь балу в Петербурге. Там все равно никто не знает об иерархии чосонских наград, а выглядеть она будет в любом случае авантажно.

– Насколько я знаю, – предпринял вялую попытку отбодриться воспитанник, – неприлично надевать награды иностранных государств, не имея российских.

– Об этом можешь не беспокоиться, – тонко улыбнулся опекун. – Вспомни, представление на тебя ушло еще из Чунцина, а теперь и за генерала Цукахару, и за успешную операцию по уничтожению главных складов японцев – документы полетели вслед за первым. Так что скоро будешь ходить – грудь в орденах и медалях. К слову, мне уже приказали

новые списки готовить. Наше начальство собирается сделать медаль «За оборону Сеула», и ее будут давать всем, кто успел здесь повоевать.

– В таком случае, может быть, представите к награде Кима? Ему будет приятно, корейцам тоже...

– А вот это вряд ли. Чосонское правительство недолюбливает полукровок и своих соотечественников, перешедших на службу к европейцам. Так что появление на приеме Виктора может быть расценено как оскорбление. Что же касается русских наград, обещаю, без медали твой приятель не останется.

– Ладно, – сдался молодой человек. – Может, появится возможность познакомиться с каким-нибудь важным чином в местном департаменте вооружений...

– Ты еще не оставил мысль пропихнуть свой автомат корейской армии?

– А почему нет?

– Ну, во-первых, потому, что она традиционно вооружена тем, что выделили союзники. То есть Россия.

– А во-вторых?..

– У тебя денег не хватит, чтобы подкупить всех их чиновников.

– Без этого никак?

– Увы!

И вот теперь они, находясь каждый на своем месте в общем строю, тянулись перед королем, за которым целая свита

прихлебателей тащила коробочки с наградами. Его величество оказался еще довольно молодым человеком с приветливым, хотя и несколько уставшим лицом. Выслушав составленное в высокопарных выражениях представление к награде, он возложил на бывшего в числе первых в ряду с другими старшими офицерами флота Зимина знаки одной из высших степеней «ордена Триграмм»⁵, после чего с кислым выражением пожал руку.

После этого дошла очередь и до стоящего в конце общей линии юного приватира. Сообразив, что утомительная церемония подошла к концу, король облегченно вздохнул и на весьма неплохом русском неожиданно поинтересовался:

– Я слышал, что вам удалось захватить японский корабль? Это правда?

– У меня и моих людей было хорошее оружие, ваше величество, – без зазрения совести заявил в ответ Колычев.

Впрочем, Ким ведь действительно в том коротком бою стрелял из автомата. Так что, пусть и с некой натяжкой, слова Марта можно было счесть обоснованными и правдивыми.

– И какое же?

⁵ Орден Триграмм (### или ##) учрежден 16 апреля 1901 года. Предназначался для награждения как за военные, так и за гражданские заслуги. Имел восемь степеней. Триграммы – древнейшие китайские символы четырех главных и четырех вспомогательных элементов, на основе которых построен и из которых в то же время состоит существующий мир: воды, огня, воздуха, земли и, соответственно, дождя, грома, ветра, гор. Изображения триграмм помещены в центральных медальонах знаков и звезды ордена, причем каждой из восьми степеней соответствует одна из восьми триграмм.

– Пистолет-пулемет конструкции Коровина, ваше величество. Это ураган огня и боевой мощи в сочетании с высочайшей надежностью, неприхотливостью, простотой обслуживания и сравнительно низкой стоимостью.

– Что ж, это интересно. Вы ведь одаренный, не так ли? И выросли здесь, в Чосоне?

– Так точно, ваше величество.

– Очень хорошо. – Он помолчал, взяв короткую паузу и без спешки разглядывая молодого капитана. – Но вернемся к наградам.

И тут выяснилось неожиданное. Ли У по какой-то одному ему ведомой причине расщедрился и удостоил молодого приватира одной из высших воинских наград Кореи – орденом Пурпурного Сокола⁶, хотя и всего лишь пятой степени. И сегодня это была самая высокая награда из числа пожалованных иностранцам.

Сообразившие это придворные и генералы растерянно переглянулись, а на лицах русских штабных появилось нечто вроде досады. Тем временем довольный произведенным эффектом король пояснил новоиспеченному кавалеру суть награды:

– Сокол считается в Корее самой ловкой из птиц, которая

⁶ Орден Пурпурного Сокола (на хангыль ### (или ###); на ханджа ###) – это орден Корейской империи, он был учрежден императором Коджонгом императорским указом № 13 от 17 апреля 1900 года. Он присуждается в знак признания выдающихся военных заслуг. Это военный орден, состоящий из 8 степеней. Причем 7-я и 8-я представляли собой медали для рядовых.

превосходит всех прочих своими способностями к полету. Он символизирует добрую волю и верность.

Орден имел весьма замысловатый облик. В центре его располагался ало-синий знак инь-ян, его окружали цветы Мугунхва – они же Роза Шарона, символ Кореи, изображенный на императорской печати и фактически являвшийся ее государственным гербом, а вокруг них, подобно перьям хвоста хищной птицы, располагались четыре белых луча. Над всей этой композицией парил, расправив крылья и повернув голову с острым клювом направо, черно-золотой, а вовсе не пурпурный, вопреки названию, сокол. Массивная награда помещалась на красно-белой ленте.

– До встречи, капитан Колычев.

Чего стоило Марту сдержаться и хоть немного не повлиять на сознание Ли У в нужную для дела сторону, словами не выразить. Это были танталовы муки, как сказал бы какой-нибудь любитель античной литературы... Но он справился. И причиной стали не моральные метания и запреты, а исключительно рациональные мотивы. Да, сам король явно к одаренным отношения не имел, хотя и обладал алмазным, а вот среди его окружения и тем более высшего офицерского состава русского флота видящих хватало, и заметить воздействие они должны были наверняка... Так что пришлось ограничиться простыми и давно отработанными приемами ведения переговоров.

Одной из весомых, если не главной, причин нежелания

большинства рейдеров получать очередные «висюльки» от туземных владык было то, что за торжественной церемонией следовал в обязательном порядке не менее помпезный прием и ужин. Вот это испытание для лихих приватиров явно было чрезмерным и ненужным.

Куда с большей охотой они предпочитали проводить время в ночных кутежах в родной «Одессе». В табачном дыму, с бодрой музыкой, красивыми и легкодоступными женщинами, которые могли со всей страстью и танцевать, и любить в ритме танго.

Марта же перспектива формальных мероприятий и застолий, где нужно четко разбираться в столовых приборах и ловко управляться ножом в правой руке и разнообразными вилками в левой, ничуть не смущала. Особенно если появится возможность установить нужные контакты и поспособствовать продвижению своего проекта. Оружие прошло проверку, и теперь наступило время продавать его. А значит, и зарабатывать.

И вот тут его ожидал жесткий облом. Во-первых, несмотря на проевропейские взгляды вана, подавали тут исключительно корейские блюда, и есть их полагалось палочками. А во-вторых, никаких деловых разговоров за столом вести не было никакой возможности. Если кто и брал слово, то исключительно с целью восславить мудрость и храбрость короля, ведущего Чосон от победы к победе.

– Что, брат, не получилось увлечь Ли У своим автома-

том? – сочувственно шепнул Зимин.

– Ничего, цыплят по осени считают, – так же тихо отвечал ему не собиравшийся сдаваться воспитанник.

– Видишь ли, в чем дело. Тут пронесся слухок, что в Питере начались какие-то движения по переговорам с японцами.

– Это точно?

– Судя по всему, да. И будь готов к тому, что, как только перестанут стрелять, чосонские чиновники и думать забудут о новых вооружениях и тому подобных вещах. Ну, разве что их из нашего генштаба немного пихнут.

– Ну и ладно! – неожиданно легко согласился с ним Март. – Значит, будет время заняться другими делами.

– Например?

– Ну, Крылов давно зовет меня в Петербург. Рисует самые заманчивые перспективы...

– Мне казалось, что ты хочешь стать рейдером?

– Одно другому не мешает!

При любых других обстоятельствах они вполне могли бы вести эту беседу через «сферу», но во время официальных мероприятий при чосонском дворе это было строжайше запрещено. Так что некоторое время спустя их оживленная беседа привлекла внимание присутствующих. Почувствовав на себе настороженные взгляды увешанных наградами корейских придворных и военачальников, приватиры замолчали, но было поздно.

Повинуясь едва заметному кивку короля, один из распорядителей подошел к ним и с поклоном предложил им вино.

– Мой повелитель желал бы услышать вас!

– Я хотел бы поднять тост, – с готовностью подхватил бокал Март, – за боевое содружество русских и корейцев! Со всем недавно мы одержали победу над сильным и коварным врагом, потому что действовали вместе. Никто не прятался за спины других, а шли в бой сообща. И если мы хотим побеждать и в дальнейшем, нам следует крепить эту дружбу.

После его слов вокруг воцарилась абсолютная тишина. Казалось, что некоторые из присутствующих даже перестали дышать. По незыблемым правилам местного этикета речь полагалось начинать со славословий вану, затем прилично было бы оказать такой же знак внимания собственному монарху, но вот чтобы так сразу про простых воинов, не упоминая про царствующих особ вообще...

Однако ведущий какую-то свою игру Ли У воспринял выходку молодого человека более чем благосклонно и, отсалютовав ему своим бокалом, пригубил благородный напиток.

По залу прошелестело ошеломленное «ах», после чего корейцы дружно подскочили и изобраили легкий поклон в сторону оратора, а затем так же синхронно выпили.

– Да ты прирожденный дипломат! – ухмыльнулся Зимин.

Но как бы то ни было, благоволение короля не осталось незамеченным, и уже на следующий день молодому прива-тиру и его опекуну дали знать, что начальник охраны корей-

ского владыки желал бы испытать пистолет-пулемет Коровина на предмет вооружения им личной охраны государя.

На полигон Март прибыл не один, а вместе с Кимом, Вахрамеевым, призванным впечатлить до невозможности низкорослых корейцев, и Коровиным, срочно вызванным ради такого случая из Порт-Артура.

Оружие произвело на потенциального заказчика очень хорошее впечатление. Отстреляли без малого под тысячу патронов, в общем на два ствола. И оба ППК не дали ни одной осечки и задержки. А то, как сноровисто меняли магазины Колычев с Вахрамеевым, перемещаясь по стрельбищу от одного огневого рубежа к другому, без промаха поражая мишени, всаживая очередь за очередью в цель, превратило все в поистине цирковое зрелище, особенно для сведущих в военном деле.

В итоге рота дворцовых гренадеров получила новое стрелковое вооружение, а едва успевшая появиться на свет компания, без особых заморочек нареченная «Автоматы Колычева», – свой первый контракт.

Большой партии они, конечно, не закупили, так, три сотни единиц, но, с другой стороны, лиха беда начало! К тому же в договоре было указано, что в случае успешной апробации и внесения необходимых доработок, ППК-41 может быть принят на вооружение унтер-офицерского состава стрелковых подразделений уже всей Корейской армии, а также мотоциклистов, отдельных рот автоматчиков и гренадеров, развед-

чиков и танкистов.

А это в совокупности предполагало по меньшей мере порядка десяти тысяч стволов, не считая запасные магазины, подсумки и прочую амуницию.

Зима сорок первого года пришла в северную столицу раньше срока, с первыми ноябрьскими морозами. Засыпанный снегом Петербург казался мрачным и пустынным, но это была лишь видимость. В его роскошных дворцах, домах, заводах, на широких проспектах и мостах круглые сутки кипела жизнь. Стоило ночной мгле отступить, и улицы его заполнялись снующим туда-сюда народом, гудением автомобилей, шумом заводов и фабрик. И все нервы, управляющие этим новым Вавилоном, сходились в одном месте – Зимнем дворце, построенном когда-то неугомонным Растрелли для русской императрицы, а потом неоднократно перестроенном, но остававшимся все таким же роскошным.

Рабочий день русского царя начинался рано и продолжался до позднего вечера. Конечно же в стране имелось множество чиновников высшего ранга, чьей прямой обязанностью было облегчать монарху его ношу, но за всеми ними нужен был надзор, и Александр Николаевич Романов – самодержец всероссийский, великий князь финляндский, царь польский и прочая, и прочая – неплохо справлялся с этим. Во всяком случае, уже очень давно никто не решался поставить под сомнение волю своего монарха, как это было в самом начале царствования.

– Какие вести с Дальнего Востока? – поинтересовался император, отложив в сторону кипу просмотренных бумаг.

– Наши войска совместно с союзниками продолжают наступление, – тут же ответил флигель-адъютант. – Теперь, после получения свежих данных, можно считать японскую группировку полностью разгромленной!

– Славное дело, – хмыкнул Александр Третий. – Говоря по совести, не ожидал от Макарова такой прыти!

– Никто не ожидал, – поддакнул придворный. – Вот только... Чрезвычайный и полномочный посол Британской короны обратился к министру двора с просьбой о высочайшей аудиенции.

– Засуетились, крысы, – улыбнулся государь, но тут же снова стал серьезным. – Погоди-ка, что значит к министру двора? Минуя МИД?

– Так точно, ваше величество!

– Стало быть, у сэра Уильяма Сидса есть личное послание от короля Эдуарда... Хорошо, дайте знать, что я приму его. Неофициально.

– Как будет угодно вашему величеству!

Когда-то давно, в пору туманной юности, сэр Уильям жил и учился в России, постигая ее язык, обычаи и национальный характер. По-своему он даже любил эту северную страну с ее суровыми жителями, как тонкий ценитель литературы любит Чехова или Толстого, ничуть не ассоциируя себя при

этом с их героями. Теперь же он был стар и прекрасно понимал, что должность посла в Петербурге является финалом его карьеры. И ему очень не хотелось, чтобы она закончилась какой-нибудь ненужной и неуместной для его блестящего и безупречного послужного списка трагедией.

– Добрый день, сэра Уильяма! – благожелательно встретил его император. – Как ваше самочувствие?

– Благодарю, ваше величество, – с достоинством поклонился дипломат. – Все хорошо.

– Вот и славно!

– Вы так добры...

– Вот уж ничуть, – ухмыльнулся Александр. – Просто мне очень не хотелось бы увидеть на вашем месте какого-нибудь надутого индюка, которыми переполнена Даунинг-стрит.

– Торжественно обещаю не умирать в ближайшие пару лет! – в истинно английском стиле пошутил сэра Уильяма, приложив руку к сердцу, после чего они оба расхохотались.

– Что новенького в Лондоне?

– Все как обычно, государь. Дождь, слякоть и туманы. Если же ваш вопрос относился к политике – тори сцепились с либералами, а лейбористы тщательно подливают масла в огонь. Ей-богу, чем дальше я от нашего парламентаризма, тем больше мне нравится государственное устройство вашей страны.

– Как здоровье моего брата Эдварда? – продолжил расспросы царь, пропустив неуклюжий и неискренний компли-

мент своему авторитаризму.

– Его величество в добром здравии и поручило мне передать вам личное послание.

– Отчего же не через министерство?

– Очевидно, ему не хотелось, чтобы князь Лобанов-Ростовский ознакомился с его содержанием раньше вас.

Намек был более чем прозрачен. Министр иностранных дел, помимо всего прочего, был очень сильным одаренным и входил в Сенат. Прочитать запечатанный документ для него было сущим пустяком, и никто не сумел бы его в этом уличить. Поэтому государь не стал продолжать разговор на щекотливую тему и просто распечатал конверт, после чего углубился в чтение.

– Нет, ну надо же! – хмыкнул Александр, откладывая в сторону письмо. – Мой августейший родственник опять захотел примерить на себя тогу миротворца.

– Разве худой мир не лучше доброй ссоры? – блеснул знанием русских поговорок посол.

– Сэр Уильям, будьте добры, напомните мне, сколько раз Япония нападала на наши восточные владения за последние двадцать лет?

– Осмелюсь напомнить вашему величеству, что земли собственно России ни разу не становились объектом атаки. Что же касается королевства Чосон и великого княжества Маньчжурия, то вы сами неоднократно подчеркивали свою приверженность их суверенитету!

– То есть, если пара моих фрегатов пробежится, скажем, к Сиднею и сравняет его с землей, мой брат Эдвард не будет считать себя оскорбленным?

– Австралия является неотъемлемой частью Британской империи, – поджал губы Сидс.

– А Чосон – нашим протекторатом! – рявкнул в ответ царь.

На самом деле, он давно бы присоединил к империи эти земли, но внутри «Сената одаренных» существовала серьезная оппозиция такому решению, с которой он не мог не считаться. В какой-то мере они были правы, зачем взваливать на себя проблемы полуколоний, если все возможные выгоды можно получить и так? Точнее, были бы правы, если бы не постоянная грызня со Страной восходящего солнца.

– Ваше величество, – осторожно начал сэр Уильям, – в качестве ответной любезности Япония могла бы пойти на некоторые уступки в других вопросах...

– Какие, например? – равнодушно поинтересовался русский самодержец и отвернулся, но прожженный дипломат успел заметить, как блеснули его глаза.

– Для начала признать Маньчжурию зоной исключительных интересов России.

– О, это просто подарок небес... – с откровенным сарказмом ответил Александр Третий. – Предложите что-нибудь поинтереснее.

– В любом случае мы сейчас говорим только о перемирии,

ваше величество. Но в дальнейшем, если удастся найти взаимоприемлемые условия, то появится почва и для мирного договора.

– Вот с этого момента поподробнее.

– Микадо готов открыть свой рынок для русских компаний при условии взаимности с вашей стороны. И готов обсудить совместную работу в Корее. Российские предприятия и банки получают равные условия работы в южной части полуострова, а японские – в северной.

– Это деловое предложение. Но, как я понимаю, главный вопрос – Китай?

– Вы как всегда крайне проницательны. В Токио очень обеспокоены новостями о появлении у Чан Кайши воздушных кораблей и начале подготовки баз и экипажей для флота.

– Да, прежде у них были только североамериканские самолеты-истребители. И мы в это не вмешивались. Но с началом боевых действий нам пришлось изменить подходы.

– Вот об этом и речь. Микадо хотел бы получить свою долю китайского пирога, как и другие великие державы. И, положив руку на сердце, мы не можем считать его притязания чрезмерными!

– И в чем проблема? Поделитесь с ними Гонконгом.

– Нижайше прошу ваше величество простить меня, но осмелюсь напомнить, что в Гонконге, Шанхае и многих других территориях действуют правила свободного рынка. А в Маньчжурии и Корее введены жесткие протекционистские

тарифы.

– Зато во Владивостоке у нас порто-франко, – тонко улыбнулся царь. – Однако ваших коммерсантов туда калачом не заманишь. Хотят тащить все напрямую...

– Это несомненно так, сир, – попытался вывернуться посол, – но если позволите, я хотел бы вернуться к обсуждению перемирия. Япония вполне осознала пагубность упования на одну только силу и готова на некоторые уступки всем заинтересованным сторонам.

– Скажите прямо, что Хирохито не смог потянуть войну на два фронта и теперь готов делиться.

– Ваше величество, от вас ничего не утаить... Да, микадо верил в успех, но сейчас его мнение изменилось. Он предпочел бы сосредоточиться на главной цели.

– И Британию это устраивает? Не думаете ли вы, что позднее японцы обратят свои взоры на Индокитай?

– Вероятность такого сценария развития событий существует. Но именно поэтому мы готовы принять самое ответственное участие в заключении всеобъемлющего соглашения. Юго-Восточная Азия нуждается в мире. Это создаст благоприятные условия для развития бизнеса всех великих держав.

– С этим я спорить не стану. Но прежде чем рисовать благостные картины будущего всеобщего процветания, давайте вернемся к нашим баранам, то есть к японцам. Я готов объявить режим тишины и остановить продвижение русской ар-

мии. Условием для дальнейшего соблюдения перемирия и проведения переговоров будет полный отвод японских войск с захваченных территорий внутри Корейского полуострова. И заметьте, я вынес за скобки две темы – военную и политическую поддержку правительства Китайской республики – раз. И полный вывод японских войск с юга Кореи – два.

– Боюсь, что на таких условиях мира нам не достичь, – осторожно, но твердо ответил британец. – Мои инструкции однозначно предполагают, что японские войска останутся на тех позициях, которые сегодня за ними.

– В таком случае, – сверкнул глазами царь, – давайте подождем, пока их с этих позиций вышвырнут!

Недавно отгремевшие залпы крупного сражения, которое в целом осталось за его армией и флотом, создавали для Александра Третьего достаточно благоприятный переговорный фон. Однако, прочтя бравурные реляции, он сумел вычленить из них основное: большая часть линкоров и фрегатов получила существенные повреждения, понесла и потери в экипажах. Еще хуже обстояли дела с воздушной пехотой, действовавшей на передовых позициях.

И только вовремя перекинутые подкрепления позволяли Макарову продолжать наступление, медленно, но верно тесня противника по всем направлениям.

Что же касается потенциала корейской армии, то после Сеульского сражения его можно было считать фактически исчерпанным. В ротах осталась едва треть от штатного со-

става, техника разбита, припасы на исходе, стволы артиллерии расстреляны и пришли в негодность.

Особую тревогу внушал и тот факт, что к опасной черте подходили запасы снарядов для артиллерии Военно-воздушного флота Империи.

Да, союзные силы еще могли наступать, но каждый новый шаг давался им все с большим трудом и кровью. Самое же главное, враг успел закрепиться на новых рубежах и теперь лихорадочно окапывался, упорно зарываясь в землю и выстраивая новые, глубоко эшелонированные линии обороны, подвозя к ним резервы и припасы.

Если же учесть, что войну начали именно японцы, то и перспектива некой взаимоприемлемой сделки не казалась царю совсем уж проигрышным вариантом. Следовало еще учесть, что на него постоянно оказывали давление кланы и придворные группировки, в чьих интересах было не удержание Центральной Кореи, а взаимовыгодные контракты и сотрудничество как с Англией, САСШ, Германской империей и Французской республикой, так и с самой Японией.

Сейчас же результат войны можно представить как победу каждой из сторон. В самом деле, микадо отхватил себе несколько городов на юге Центральной Кореи, союзники же смогли освободить значительную часть своих территорий. А если дипломаты не подкачают, то можно будет добиться и полного вывода японских войск. И все это без потерь...

Помахав на прощание послу ручкой, Александр вызвал к

себе все того же флигель-адъютанта и коротко приказал:

– Срочно вызовите ко мне Колчака и Шапошникова!

– Они уже ожидают в приемной!

«Все-то вы, сукины дети, просчитали», – мелькнула в голове императора мысль, но тут же исчезла. Сейчас это было не главное. Потом будет время вспомнить и решить, что делать с такими прозорливыми, что принимают решения раньше, чем он их озвучивает. Наградить ведь тоже можно по-разному...

А сейчас перед ним оказались два совершенно не похожих друг на друга человека. Высокий и статный, несмотря на довольно преклонный возраст, начальник Генерального штаба и невзрачный на его фоне, сухой, с вечно воспаленными глазами и недовольно поджатыми тонкими губами главком ВВФ. Почему-то, когда они оказывались рядом, Александра не покидало ощущение какой-то неправильности. Что-то было не так...

– Господа, – ровным голосом начал царь. – Приказываю закрепить на занятых рубежах и перейти к стратегической обороне. Воздушных атак на коренные владения японцев не проводить. Вероятно, в ближайшее время будут согласованы положения о временном перемирии с Японской империей.

– На какой срок? – спокойно поинтересовался Шапошников.

– Как получится, Борис Михайлович, – развел руками государь. – Надежды на полноценный мирный договор немно-

го, но, быть может, пару мирных лет выгадаем.

– Но перемирие еще не заключено? – уточнил на всякий случай Колчак.

– Пока нет, Александр Васильевич, – машинально ответил Александр, но тут же спохватился и выразительно посмотрел на адмирала, как будто хотел сказать: «Не вздумай!»

Как только по официальным каналам поступил приказ о начале действия режима перемирия с нуля часов шестнадцатого ноября, Макаров едва ли не первым делом вызвал к себе Зимина. На душе у адмирала-победителя, как ни странно, радость перемежалась с беспокойством. Именно сейчас нельзя было допустить даже ничтожных ошибок. Следовало обыграть исключительно выгодные итоги войны к вящей славе отечества и собственной пользе. Эти два понятия его высокопревосходительство предпочитал не разделять.

– Владимир Васильевич, рад вас видеть, присаживайтесь, – радушно поприветствовал он каперанга, которому в значительной мере был обязан своим триумфом. – Не угодно ли рюмочку мартеля? Так сказать, за нашу победу!

– Благодарю, – не стал отказываться командир «Бурана», благо «адмиральский час» почти наступил.

Опрокинув в рот содержимое бокала и закусив долькой горького шоколада, командующий почувствовал себя уверенней и перешел к делу.

– Как вам, вероятно, известно, – начал он, – между Рос-

сией и Японией заключено перемирие. Посему мною принято решение немедленно отозвать «открытый» контракт со всеми рейдерскими кораблями. Так сказать, во избежание. Впрочем, кому я рассказываю. Вы эту братию знаете куда лучше меня...

Судя по всему, адмирал ожидал, что подчиненный станет ему поддакивать, но Зимин промолчал.

– Расчет все экипажи и владельцы получат немедленно и в полном объеме, – досадливо поморщившись, продолжил Макаров.

– Мне писать прошение об отставке? – прямо спросил капитан первого ранга.

– Ни в коем случае, – замахал руками командующий. – У меня есть для вас, скажем так, особое задание!

– Куда должен отправиться «Буран»?

– Никуда. Корвет вам надлежит передать капитан-лейтенанту Глинке. Вы с ним знакомы?

– Не имел чести! – сквозь зубы процедил Зимин.

– Жаль. Борис Борисович весьма способный молодой офицер, отлично себя зарекомендовавший...

– При чем здесь мой корабль?!!

– Вынужден напомнить, – в адмиральском тоне отчетливо звякнул металл, – что ваш корабль выкуплен казной, и деньги вы получили. Не так ли?

– Так, – вынужден был признать теперь уже бывший рейдер и с отчаянием посмотрел на начальника. – И что же

мне теперь делать? Поступить в резерв флота или перейти в штабные?

– Господь с вами, Владимир Васильевич! – почти искренне возмутился Макаров. – Поступить так с одним из лучших наших пилотов было бы преступлением! Я же говорил, у меня для вас есть задание...

– Да какое еще ко всем русским чертям и китайским идолам задание?!

– Спокойнее, господин капитан первого ранга. Вы, вероятно, слышали, что на петербургских верфях ОЗК готовится к сдаче новейший фрегат...

– «Князь Пожарский»? – заинтересовался Зимин.

– Именно! – с видом змея-искусителя кивнул Макаров. – Новейший проект, головной корабль в классе, кому же, как не вам, получить его под свою команду?

– Даже не знаю. После стольких лет в отставке...

– Да и что с того? Забудьте наконец об этом периоде своей жизни как о досадном недоразумении! Мы, повторяю, мы с вами теперь герои! Сейчас никто не решится выступить против нас. Понимаете?..

– Боюсь, что не совсем...

– Тогда слушайте. Вам надлежит сформировать команду, провести испытания и ввести в строй новейший корабль, который затем станет флагманом Третьего флота.

– Благодарю, это большая честь, – с должной почтительностью ответил Зимин, подумав при этом: «Ну да, очень я

тебе нужен здесь, на флоте... эта канитель ведь с полгода, а то и больше продлится. Первый в классе, значит, и испытания будут долгими, и переделки, исправления всяких недочетов. И на весь этот срок про меня, грешного, все забудут. Не буду я у тебя, такого красивого и героического, под ногами путаться, а того хуже, конкуренцию составлять. Опять же, мог бы мне дать, к примеру, бригаду легких кораблей, хотя бы и истребителей. Или корветов. Я ведь в этом деле целую стаю собак сожрал без хрена и соли. А ты мне фрегат, да еще и тяжелый, если память не изменяет... ну, спасибо, Вадим Степанович, ну удружил...»

– Это еще не все, – продолжал Макаров. – Я, конечно, не хотел бы лишиться такого опытного офицера, как вы, но Николаевская академия тоже находится в столице. И если вы, не тратя времени даром, обратитесь с прошением прослушать курс, вас наверняка допустят к экзаменам...

– Что тогда?

– Как что? Вернетесь к нам с орлами на погонах! Будьте покойны, необходимую аттестацию я вам обеспечу.

«Ну вот, мели, Емеля, твоя неделя... Теперь еще и академия. А это уже полтора-два года. Этак мне и в отставку можно будет выходить с полным пенсионом сразу по ее окончанию... Ладно, поживем-увидим, как оно все обернется...»

– К слову, готовьтесь к высочайшему приему, – продолжил заливаясь соловьем адмирал. – Государь желает лично наградить героев Сеульского сражения. И вы, без сомнения,

будете в числе приглашенных.

– А капитан Колычев?

– Ну, куда же без него. Его величество об этом примечательном молодом человеке соизволил лично осведомиться.

– Неужели? За что Мартемьяну такая честь?

– А сами не догадываетесь? Очень он уж у вас приметная личность. Да к тому же хорошей фамилии. Кроме того, в ОЗК заинтересовались его трофеем. Как там он его нарек?

– «Ночной Птицей».

– Вот-вот. Кстати, ее тоже вполне могут выкупить в казну, да еще и за хорошую цену. На эти деньги ваш протеже, если у него не прошла блажь быть рейдером, вполне может купить себе любой новейший лайнер. Как вам такая будущность? В общем, поезжайте оба... поверьте, так всем будет только лучше!

Примерно в это же время самый молодой капитан Сеульской базы, а вполне вероятно, и всего рейдерского сообщества, вел приватный разговор с управляющим «Одессой».

– Семен Наумович, найдется у вас свободная минутка?

– Для вас, юноша, хоть две, – охотно отозвался Бенчик. – А что случилось, некая молодая особа обнаружила, что беременна от вас?

– Пока, слава богу, нет.

– Так может, вы впали в «грех зеленого сукна» и проиграли немножко больше, чем имеете?

– Тоже мимо.

– Тогда что вы хотите от бедного еврея?

– Ой, чтоб я так жил, как вы жалуетесь! – в том же духе ответил Март, но тут же согнал с губ улыбку и очень серьезно посмотрел на Беньямина.

– Мое дело куда более важное и вместе с тем опасное. Однако по его завершении способно принести очень серьезные дивиденды.

– Слушаю всеми ушами, – подобрался Семен Наумович, почуяв запах денег.

– Помните наш недавний разговор о графе Оссолинском?

– До последнего слова!

– Так вот, у меня есть обоснованные подозрения, что именно этот господин являлся крысой в штабе эскадры.

– Чтобы так говорить, нужно иметь немножечко доказательств. Они у вас имеются?

– Пока только косвенные.

– И какие же?

– Ну, хотя бы его таинственная пропажа в тот самый день, когда я вернулся в Сеул с генералом Цукахара и другими пленными.

– Этого мало!

– Я знаю, но именно поэтому я решил обратиться к вам.

– И что вы из-под меня хотите?

– Я собираюсь уничтожить Оссолинского. Но для этого мне нужны просто железобетонные доказательства. Вы – че-

ловек опытный и со связями. К тому же, насколько я успел убедиться, честный...

– Вот умеют некоторые люди похвалить так, что будто бы плюнули в морду... И к слову, если вы так уверены, то не проще ли решить вопрос без всех этих судейских закорючек...

– Да, проще. Но нет. Этот вариант мне не интересен. Я хочу припереть графа к стенке, а еще лучше – подвести под петлю. И строго в соответствии с российским уголовным законодательством. Кроме того, я собираюсь начать кое-какие коммерческие проекты, и мне нужен хороший адвокат. Лучше вас я никого не знаю!

– Это у вас от неопытности, – хмыкнул Бенъямин, после чего пытливо посмотрел на потенциального клиента и, отчетливо проговаривая каждое слово, спросил: – Скажите мне, мой юный друг, ваш опекун знает за ваши проекты, или вы хотите оставить этот маленький гешефт в тайне?

– Пока нет, но я собираюсь ему рассказать в самое ближайшее время.

– Так вот сначала расскажите, а потом мы втроем все подробно обсудим... Кстати, совсем забыл спросить, что вам сделал граф, что вы его так не любите?

– Я уверен, что именно он стоит за покушением на меня и убийством моей семьи.

– В таком разе вам тем более нужно рассказать все Зимину!

Новость о подписании перемирия распространилась по «солдатскому телеграфу» со скоростью степного пожара. На Сеульской базе рейдеров, где привычная анархия с недавних пор сменилась под действием жесткой руки Зимина строжайшей дисциплиной и порядком, это поначалу почти никак не отразилось.

Разве что свободные от патрулей и вахт бойцы, сбиваясь в кучки, вполголоса переговаривались, обмениваясь мнениями относительно всего происходящего и дальнейших перспектив. Версии высказывались разные, но большинство прозорливо сходилось в одном – скоро для них наступит воля вольная.

Едва машина каперанга, гудя клаксоном, вкатилась на стоянку перед «Одессой», как туда и без команды быстро подтянулись все капитаны, находившиеся в это время на земле.

– Господа, я собрал вас, чтобы довести приказ командующего флотом, – начал Зимин, пытливо вглядываясь в лица своих бывших коллег, а теперь еще и подчиненных. – Как вам, по всей вероятности, известно, заключено перемирие, и флот более не нуждается в наших услугах. С сегодняшнего дня наш отряд считается распущенным, а контракты аннулированными.

– Когда будет расчет? – холодно блеснув глазами, поинтересовался Муранов.

– Все, что причитается за выполненные задания, включая

наградные и премиальные, начнут выплачивать завтра. При условии, разумеется, что будет предоставлена вся необходимая отчетность, а дополнительное вооружение и оборудование возвращено в арсеналы.

– Ты же прекрасно понимаешь, что это невозможно! – скривился командир «Ангары».

– А как быть с теми, кто сейчас в рейсе и на задании?! – загалдели присутствующие, разом позабыв о субординации.

– Тише, господа, не на базаре! – призвал к спокойствию приватиров Зимин. – На все про все у нас неделя. Однако рекомендую поторопиться, пока я нахожусь в Сеуле. Кто не успеет, будет выбивать свои деньги из интендантов самостоятельно!

– Ловко придумано, – попытался кто-то бурчать в задних рядах, но остальные его не поддержали.

Условия контракта соблюдены, а это для рейдеров было главное.

– Ну и напоследок, от себя лично и от лица командования благодарю вас и ваши доблестные экипажи за отличную службу. Для меня было честью командовать вами!

– Что-то ты сам не весел, Владимир Васильевич, – криво усмехнулся перед прощанием Мур. – Неужели не хочешь возвращаться на вольные хлеба?

– Увы, не видать мне теперь свободы. Получил новое назначение и убываю в Питер.

– А «Буран»?

– Не триви душу, Василий Степанович. Корабль мой выкуплен в казну, и теперь у него будет новый командир.

– Понятно... попала собака в колесо, скули да беги!

– Примерно так. Сам-то чем думаешь заняться?

– Я так понял, война в Китае не окончена, скорее наоборот... – спокойно ответил Муранов.

– Верно, там теперь станет по-настоящему жарко.

– А еще я слышал, что Чан Кайши вплотную занялся созданием своего воздушного флота. Думаю, он точно не откажется от нашей веселой банды. Надо всем туда лететь, всей группой!

– Идея хорошая, – одобрил замысел Зимин. – Если явитесь в Чунцин организованной эскадрой, сможете выбить себе наилучшие условия.

– Владимир Васильевич, ты вроде и с самим генералиссимусом, и с его супругой лично знаком? Может, составишь нам протекцию по старой дружбе?

– Почему нет? Сегодня же напишу мадам Чан, только вы прежде решите между собой, кто в деле.

– Да что тут думать, все так все! – зашумели капитаны. Единственный, кто никак себя не обозначил, оказался скромно сидевший в сторонке Колычев.

– А ты что же, Март, молчишь? – насмешливо посмотрели на молодого человека соседи. – Может, и для твоей «птички» дело найдется?

– Спасибо, господа, но у меня немного другие планы, –

дипломатично отозвался Колычев.

– Интересно какие же? – исподлобья бросил на него тяжелый взгляд Мур.

– Ну, раз такой расклад нарисовался, – проигнорировал последний вопрос Колычев, – то у меня ко всем присутствующим деловое предложение.

– Валяй, бизнесмен!

– А вот, – и Март выложил на стол принесенный Кимом ППК-41. – Машинка просто зверь. Работает как часы. Мы ее корейцам на вооружение продвинули. Сделана под маузеровский патрон – семь шестьдесят два на двадцать пять. Складной приклад, вес без магазина чуть больше трех кэгэ. Предлагаю всем такие приобрести со скидкой – только сегодня и только для своих. В честь победы, скажем так. Особенно для штурмовиков. А еще я хочу начать поставки китайцам. И мне нужен там торговый агент. Думаю заключить договор с кем-то из вас.

– И какие условия?

– Предоплата в полном объеме. Цена в пять раз ниже, чем за Томми-ган. Представителю – процент от заключенных сделок. Остальное уже лично обсудим.

– А что, я, пожалуй, возьмусь! – спокойно отозвался капитан «Нерюнгри» Леонид Пантелеев.

Март бросил короткий взгляд на Зими́на и Беню и явно прочел в их глазах одобрение кандидатуры.

– Заметано. Тогда можем прямо сейчас и договор подпи-

сать.

– Постой, Март, не спеши. Что ты там про особую скидку говорил? – Мур успел подойти к столу и уже вовсю крутил автомат в руках.

– Тридцать процентов минус. Только сегодня и только для своих, – повторил он как заклинание и, заметив, как заблестели глаза потенциальных клиентов, плеснул в костер всеобщего интереса еще немного бензина: – Но партия на корабль – не больше двадцати штук.

– Но деньги получишь после того, как с нами рассчитается казна!

– Справедливо.

– Беру! И я! И мне давай! – загомонили азартные вольные охотники, уже опасаясь, что на всех не хватит.

Последний спокойный вечер у Зимина был, наверное, когда они еще жили в Дальнем. Март с Виктором учились, он занимался ремонтом «Бурана», и вокруг, несмотря на войну, обстановка была тихой и, даже можно сказать, пасторальной. А теперь «Бурана» нет, воспитанники, еще недавно казавшиеся совсем мальчишками, выросли, а впереди... непонятно что.

Больше всего угнетала Зимина неопределенность его собственной судьбы. Еще недавно все было четко и понятно, а теперь буквально рассыпалось на глазах, как карточный домик. Привычная жизнь неторопливо уходила в небытие, а

грядущее еще не обрело зримых форм. Что уж тут говорить о материальном их воплощении.

Впрочем, возможности предаваться ностальгии у него не было. Вокруг постоянно происходили чрезвычайные события, державшие бывшего рейдера в состоянии перманентного изумления. Вот и сейчас, не успело закончиться собрание, к нему подошли Март и Беньямин.

– Владимир Васильевич, – начал Колычев, без большого успеха стараясь выглядеть невозмутимым. – У меня к вам с Семеном Наумовичем дело. Надо переговорить в тихом месте без лишних «ушей».

– Даже так? – с любопытством поглядел на странную парочку капитан первого ранга. – В таком случае пошли в мой номер. Там нам никто не помешает.

Оказавшись в апартаментах Зимина, хозяин и управляющий, не сговариваясь, устроились с одной стороны стола, оставив Колычеву место напротив. Со стороны это выглядело так, будто старшие товарищи решили устроить молодому человеку экзамен. Собственно говоря, примерно так он себя и чувствовал.

– Господа, – начал он, прочистив для солидности голос. – То, о чем я вам сейчас сообщу, является строго конфиденциальным. И прежде чем мы приступим к делу, я должен заручиться вашим, господин Беньямин, согласием.

– На предмет чего? – с деланным равнодушием осведомился Бенчик, привычным движением разливая коньяк по бо-

калам.

– Что вы станете моим поверенным в делах, а значит: будете обязаны хранить тайну клиента.

Бенчик посмотрел на Зими́на, и тот в ответ лишь пожал плечами.

– Решай сам, Наумыч. Но по факту ты уже давно работаешь на нашу семью адвокатом. А Мартемьян такая же неотъемлемая ее часть, как я или Сашка.

– В таком случае, мой юный друг, я в деле, – пожал плечами старый выжига, после чего не без иронии добавил: – Или нужно подписать кровью?

– Вашего слова более чем достаточно, Семен Наумович, – все тем же официальным тоном и без намека на улыбку ответил ему Март. – Теперь можно перейти к главному. – Он взял короткую паузу, глубоко вдохнул и спокойно произнес: – Я точно знаю, кто стоит за покушениями на мою жизнь. Более того, у меня есть очень серьезные подозрения и насчет виновных в смерти родителей. Я говорю о семействе Оссолинских.

Услышав знакомую фамилию, Зимин едва не поперхнулся от неожиданности коньяком, после чего отставил в сторону бокал и аккуратно промокнул губы салфеткой. В принципе, чего-то подобного он и ждал, но его удивило ледяное спокойствие Беньямина. Очевидно, для его компаньона это заявление не стало неожиданностью.

– Судя по всему, ты узнал, что это за люди, и вспомнил

о своем мнимом родстве, – констатировал он. – Вынужден в очередной раз тебя разочаровать, будь это правдой, твой отец непременно...

– Не один я их обвиняю, – впервые перебив своего наставника, возразил Март.

– И кто же этот человек, позволь узнать? – не без труда сдержав раздражение, поинтересовался Зимин.

– Моя мать – Александра Ивановна Колычева.

– Мой мальчик, ты в своем уме?

– Вот письмо. Можете убедиться сами.

Было видно, что Владимир Васильевич сразу узнал знакомый почерк, в лице его что-то дрогнуло, словно его ударил разряд тока. Он молча пробежал глазами текст, потом перечитал его еще раз, свернул и аккуратно передал Марту.

– Так значит, ты наследник клана Колычевых?

– Без сомнений, – развел руками Март. – И энколпион, и документы, которые мне завещала мать, это неопровержимо доказывают.

– О каких документах речь? – сразу оживился молчавший до сих пор Беньямин.

– Вот они, – и Колычев выложил на стол папку с бумагами, которую адвокат тут же подтянул к себе и, раскрыв, принялся изучать ее содержимое.

– Все тайное когда-то становится явным... Поздравляю вас, Мартемьян Андреевич, – впервые так церемонно на «вы» обратился Зимин к Колычеву. – Теперь все встает на

свои места.

– А ведь вы совсем не удивились? – пытливо посмотрел на опекуна Март.

– Сказать по чести, я предполагал нечто подобное, хотя, конечно, не в таких масштабах. Твои родители держали эту информацию в тайне, и я их понимаю. Но теперь она воленс-ноленс станет известна всем, включая твоих врагов. А это люди очень серьезные!

– Так, господа, – вмешался до сих пор увлеченно изучавший документы Бенчик. – Что я вам могу сказать за эти бумаги! Я много повидал на своем веку разного, но они таки настоящие. И имея их на руках, можно получить такой куш, что все вокруг лопнут от зависти, а Джимми Ротшильд прибежит наниматься к вам в камердинеры, но...

– Что «но»?

– Это будет чертовски непросто. Уверяю вас, найдутся люди, которые костями лягут, чтобы наш Март ничего не получил. А еще больше сыщется тех, кто захочет, чтобы он поделился с ними, такими красивыми, небольшой частичкой неожиданно свалившегося с небес богатства.

– Полагаешь, тяжба будет долгой?

– Не то слово! И дело даже не в доказательствах... Тут вопрос больше политический...

– Вопрос сейчас не в миллиардах и не в наследстве, – напористо заговорил Март. – Напомню вам, что моих родителей убили. Не раз покушались и на меня. И наверняка будут

еще попытки. Я допускаю, что и внезапная гибель дяди – тоже не случайна. То есть против меня действует очень жестокий и опасный враг.

– Так, может, просто и без затей закопаем его? – с простодушным видом предложил Бенчик. – Мертвые – они того, не кусаются...

– Я допускаю и такой сценарий. Но, во-первых, я не убийца. И потому вариант просто отыскать и устранить меня все же не устраивает. Во-вторых, я хочу не просто раздавить это змеиное кубло, а унижить и растоптать их. В суде. И пусть предателя повесят. Это станет торжеством истинного правосудия и справедливости! Пока что я располагаю вот этим письмом и признаниями мисс Ли, которая, если я не ошибся, считывая ее ауру, не лгала и не выкручивалась, а говорила вполне откровенно и честно.

– Это ты сейчас о чем, Март? Когда ты успел допросить репортершу?

– Утром, сразу после возвращения. Вывез в тихое место и побеседовал, выслушал ее откровения...

– Хм, и она тебе так все и поведала? Добровольно...

– Ну, может, и не совсем по своей воле... Главное, она четко назвала заказчика и крысу в нашем штабе.

– И потом ты ее отпустил?

– Я обещал ей свободу, если она сообщит то, что мне было необходимо.

– Вот это новости. И ты никому об этом не рассказал?

– Вот сейчас вам первым.

– Тогда пусть все между нами и останется.

– Как скажете. Хотя давать этому делу ход без серьезных доказательств все равно бессмысленно. Тем не менее оно имеет для меня принципиальное значение. Поэтому и предложил его вам, Семен Наумович. Оплата будет очень щедрой. И для вас, и для всех сотрудников. Очевидно, что придется нанимать частных сыщиков. Понятно, есть и риски. Там, где замешаны иностранные разведки, их не может не быть.

– И оно мне надо? – с усмешкой отозвался адвокат. – Есть много других способов сунуть голову в петлю, а уж заработать денег... еще больше...

– Думаю, тебе стоит об этом подумать всерьез. И вообще, хватит тут киснуть, Наумыч, – решительно рубанув ладонью по воздуху, жестко, по-командирски высказался Зимин. – Все, наигрался в ресторатора и отеляера... поедешь с нами в Питер, – посмотрев Бене в полные иронии глаза, он уже чуть мягче и более примирительно добавил: – Там и деньги другие, и пользы от тебя будет больше. Это не только для Марта личное дело, но и для меня. Так что нечего тут вилять. Тем более что ты уже вписался.

– Хорошо, командир, я возьмусь за это. Что еще? – Бене снова повернулся к Марту. – Будем подавать документы в суд о признании тебя наследником?

– Не думаю, что это будет разумно. Я практически уверен,

что появление мое в столице не будет воспринято надлежащим образом. Или пошлют куда подальше, или начнут затягивать процесс до бесконечности, или просто прихлопнут. Прецеденты такого рода разбирательств имели место?

– Пожалуй, что и нет, – задумчиво протянул адвокат.

– Тем более.

– И что ты в таком случае предлагаешь? – Зимин потерял нить рассуждений Марта и непонимающе уставился на него.

– Всему свое время. Для начала надо зарекомендовать себя. Стать своим. И по возможности утвердиться в законном и высоком статусе. Хотя бы крупного дельца. Или даже создать свой клан одаренных.

– Знакомства – это хорошо, но когда дело доходит до денег и тем более таких астрономических сумм, это вряд ли что-то изменит...

– Послушайте, если я, а точнее мы все, заявим о себе как о серьезных предпринимателях, то это позволит укрепить свои позиции и, несомненно, поможет со временем благоприятному решению основной задачи.

– И что это за прожекты? – не скрывая скепсиса, поинтересовался Бенчик.

– Ну, первую ласточку вы уже видели. Это пистолет-пулемет Коровина, продажи которого уже начались.

– Хорошая вещь, – упрямо мотнул головой Семен Наумович, – но, чтобы хорошо продавать оружие, – нужна война. А она, слава богу, закончилась!

– Это еще не все. Есть наметки по целительству или, как ее еще называют, магомедицине. Причем конкретные результаты уже достигнуты.

– Это ты сейчас про Вахрамеева? – уточнил Зимин.

– Да.

– Ладно, – согласился Беньямин, – старый Игнат стал бегать как молодой, да еще так, что на него наши горничные начали заглядываться! Такой товар можно продать!

– Плюс артефакторика.

– У тебя и такой специалист есть?

– Хаджиев.

– Это вы сейчас про того фальшивого горца?

– Совершенно верно!

– Ой, не смешите мои туфли, а то они старые и могут порваться! Странно, что его до сих пор не нашли жандармы.

– Тем больший резон вывезти человека с Дальнего Востока. Но в любом случае главный наш козырь не в нем!

– А в чем же?

– В «Ночной Птице»! Его создателям, пусть и случайно, удалось реализовать идеальную энергоструктуру, возможности которой сопоставимы... даже не знаю с чем! Это как готовое конструкторское бюро. С его помощью можно делать самые сложные расчеты, причем почти мгновенно.

– Японцы умеют такие вещи?!

– Нет! Я же говорю, что это вышло случайно.

– Хм. Они, конечно, те еще поцы, но чтобы настолько...

– Думаю, японцам этого еще долго не воспроизвести. Но вернемся к нашей теме. Кроме тех, кого уже назвал, обязательно найдем еще молодых, грамотных, энергичных ученых и привлечем к работе. И по двигателям, и по ракетам, и по системам управления.

– Таков твой замысел? Нанимать спецов и накидывать им идеи?

– У парня талант находить нужных людей, – глубокомысленно заметил Бенья.

– Есть такое, – согласился с ним каперанг.

– Спасибо, конечно, за такую оценку. И да. План в том, чтобы нанимать, а еще лучше заключать с такими людьми-локомотивами партнерские сделки. Так на первом этапе выйдет дешевле. И заинтересованность у них будет выше.

Зимин некоторое время молча дымил сигаретой, а когда аккуратно раздавил окурок о пепельницу, сказал:

– Ты знаешь, что после нашей китайской истории и недавней продажи «Бурана» я располагаю довольно внушительной суммой и, если ты меня сумеешь убедить с цифрами на руках, буду готов значительную ее часть вложить в дело.

– Принято. Я и сам кое-что подкопил. Конечно, на порядок скромнее, но все же... Думаю, на первом этапе будет достаточно. Я не планирую проекты вдолгую. Расчет на достаточно быструю реализацию.

– На чем основан такой экстремальный градус оптимизма? – не без скепсиса отозвался Беньямин. – В жизни обыч-

но все наоборот, сроки всегда оказываются шире и дальше, чем хотелось бы.

– Я понимаю и заранее закладываю такую возможность. В любом случае сначала сделаем полный расчет бюджета и продумаем, сколько, куда и кому продавать. Вы поймите, мы можем сколотить свой клан-корпорацию! Вот главная цель!

– И она более чем достойная, – счел нужным поддержать воспитанника Зимин. – Если смотреть на твой старт, то разгон взят хороший, главное: выбирать задачи по силам и на крутых поворотах не споткнуться и не вылететь с трассы.

– Отлично это понимаю. И в скором времени уже предъявлю первые цифры.

– Посмотрим, повторюсь, можешь на меня рассчитывать.

– А мне как-то сомнительно. Нет, я вижу своими глазами этого вундеркинда, ставшего в семнадцать лет капитаном рейдера. И понимаю, что он сильный одаренный. Слышу, как взросло и здраво он рассуждает. И знаю теперь, наследником какого состояния он является. Но сейчас речь не за ОЗК, а за конкретный гешефт, созданный вот этой светлой головой и этими молодыми руками.

– Так мы будем рядом. Где надо поможем, где надо прикроем, а где надо и подскажем.

– Это да. Но в столицах такие хищные рыбы в мутной воде шныряют, что мое вам почтение. И к слову, а где эти зловредные родственнички нашего Марта сейчас?

– Вот вы и займитесь этим вопросом, Семен Наумович.

Разузняйте все, соберите сведения и держите их под при-
смотром...

В середине ноября у графини Оссолинской приключился неожиданный и жестокий приступ осеннего сплина. Что было тому причиной – затянувшаяся штормовая погода и сырость, охватившие Лазурный берег, или успехи русской армии на Дальнем Востоке, – не смогла бы сказать и она сама, если бы решилась на такой необъяснимый порыв откровения даже наедине с зеркалом. Вот и сегодня миледи с самого утра почти неподвижно сидела в своем любимом широком кресле и без конца курила, потягивая через длинный слоновой кости мундштук тонкие ароматные пахитоски⁷.

– Ваша сиятельство, вот ваша почта.

– Оставь и можешь идти, – не скрывая безразличия, еле слышно распорядилась она, продолжая угрюмо смотреть на пылающие в камине поленья и кутаясь в широкие полы подбитого мехом шлафрока⁸.

– Простите, миледи, и еще вас просят к телефону, – позволил себе нарушить приказ слуга.

⁷ Пахитоса – род дамских папирос: соломинка.

⁸ Шлафрок (*нем.* Schlafrock, также шлэфор, шлафбрк) – в XVIII–XIX веках просторная мужская и женская домашняя одежда. В России с XVIII века вслед за французской модой в «парадном неглиже» – нарядно выглядевших шлафроках – мужчины принимали дома гостей, прибывавших с неофициальным визитом. Женщинам по правилам хорошего тона дозволялось появляться в шлафроках на людях только в первой половине дня, занимаясь хозяйственными делами.

– Кто это, Джеймс?

– Не назвали, но произнесли кодовое слово.

– Даже так? Ну хорошо, соедини и не смей подслушивать.

– Как можно, ваше сиятельство, – с видом оскорбленной в лучших чувствах невинности произнес в ответ камердинер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.